

НА ТАКОМ РАССТОЯНИИ

Рассказ

1

Игорь первый ее увидел – издалека – и увидел, что она стоит у парапета одна, без подруги, и ждет, по-видимому, их, а платьице ее и волосы развеваются, но она не отворачивается, а наоборот подставляет ветру белое лицо. Увидел и толкнул кореша в бок:

– Вон она, одна пришла.

Кореш тут же остановился как вкопанный и заныл, потянул Игоря обратно.

– Нахрена тебе эта селедка, Игорек, пошли отсюда... Я только ради ее подруги и выбирался, вон, последний одеколон перевел.

От кореша на всю округу разило одеколоном.

– Да неудобно как-то... – засомневался Игорь. – Пришла же, ждет стоит.

– Постоит и уйдет, – гнул свое кореш. – Последняя ночь, буду я со всякими селедками таскаться. Смотри, она малахольная какая-то – стоит и лыбится.

Она и вправду как будто улыбалась – ветру, закрыв глаза. За ней, за парапетом, угадывалось по огням и бликам ночное море, но где оно вливалось в небо, разглядеть было нельзя. На набережной играла музыка, заглушала отсюда рокот волн.

– И что делать будем? – спросил Игорь.

– Да мало ли что! Пройдемся туда-сюда, в кафешке посидим, в клуб заглянем. Так и так ко-го-нибудь зацепим, я тебе зуб даю. Пошли, пока не заметила.

– Мы в тени стоим, ей не видно.

Игорь с корешем стояли на спускающейся к набережной, врезающейся в нее улочке – тускло освещенной и накрытой густой тенью крон.

Кроны колыхались и шумели, подражая морю.

Мимо спешили отдыхающие – пьяные и трезвые, шумные и тихие, одинокие и сбитые в компании, бегом почти бежали на набережную и с усилием поднимались от нее в тень.

– Нет, – твердо сказал Игорь. – Я так не могу. Договаривались же. Поболтаем немного и рас-прощаемся, в чем проблема?

Кореш скривился.

– Жалко, – проскрипел он. – Жалко, Игорек, в последнюю ночь время терять. Ты вот вроде здоровый пацан, а мнешься как баба.

Игорь посмотрел на кореша сверху вниз, вскинул бровь.

– Не кипятись, – поднял руки кореш, поиграл шутливо бицепсами.

– Если хочешь, иди, – кивнул Игорь. – А я наберу тебя потом, подскочу, если что.

– Ой, смотри, Игорек, если буду сильно занят, – кореш покачал головой манерно, – не отвечу, ой не отвечу.

– Не ответишь – да и хрен с тобой, – разозлился Игорь и зашагал вниз.

Дмитрий Лагутин родился в 1990 году в Брянске. Окончил юридический факультет Брянского госуниверситета. Победитель международного конкурса «Гайто», лауреат национальной премии «Русские рифмы» и др. Публиковался в журналах «Новый берег», «Нева», «Урал», «Знамя», «Новый мир» и др. В «Волге» публиковалась проза (с 2018 года).

- Лох! – крикнул вслед кореш тонким голосом, дурачась.
- Сам лох! – ответил, не оборачиваясь, Игорь и хохотнул.

Он, пружиня ногами, спустился на набережную, увернулся от подростков, летящих наперерез на роликах, пригладил взъерошенные ветром волосы и подумал, что настоял на своем не потому, что сильно уж того хотел, а назло корешу, от которого за две недели успел устать.

– Полина, – с напускной галантностью позвал он – не позвал даже, а назвал, как называют имена друг друга люди вместо приветствия.

Полина отвернулась от ветра, и волосы захлестнули ее.

– Здравствуйте, – рассмеялась она, зажмуриваясь. – И... Игорь?..

– Так точно, – он шаркнул сандалиями, склонил голову. – А где же ваша подруга?

Полина выпуталась из волос, потом обошла Игоря и стала лицом к ветру – волосы отбросило назад.

«Белая какая, – подумал Игорь. – И нос длинноват».

Сам он за две недели загорел образцово-показательно – и был похож на бодибилдера, готового к выступлению.

– Подруга изволили отравиться, – сделала грустное и в то же время игривое лицо Полина.

– Отравиться в первый день, – покачал головой Игорь. – Досадно.

«Отравилась, как же, – подумал он. – Слилась красotka, вот и все дела».

– А где же ваш одноклассник?

– Изволили вывихнуть ногу.

– Вывихнуть ногу в последний день, – Полина прижала ладони к щекам, подыгрывая. – Как же он завтра поедет?

– А он не поедет, – вошел во вкус Игорь. – Он специально вывихнул, чтобы остаться.

И фыркнул.

– Как настоящий товарищ, вы должны будете нести его на руках, – сообщила Полина и тоже фыркнула.

– До самого дома.

– До самого дома и даже дальше – если он попросит.

Игорь хмыкнул, развел руки стороны.

– Если честно, он за две недели меня так достал, что я готов ему вторую ногу вывихнуть, лишь бы...

– Ай-ай-ай, – погрозила пальцем Полина. – Вы нехороший друг.

Игорь не нашел что ответить, снова развел руки в стороны. Какое-то время стояли в неловком молчании – оба.

– На ты? – спросил Игорь наконец.

– Конечно, – улыбнулась Полина. – Глупо как-то вышло. Он правда ногу подвернул?

Игорь замялся.

– Ну, так, – вне игры врать было неприятно. – Немножко.

– Обидно, наверное.

– Не обиднее, чем отравиться.

– Ой, там ужас, – вздохнула Полина и одернула платице, раздуваемое ветром. – Лежит вся зеленая, углем толкается, – она посмотрела на Игоря. – Я бы и не пошла, осталась бы помогать, да она вот уснула, и договаривались же, неудобно. Был бы номер, я бы позвонила, а так...

Игорь кивнул.

– Кукурузу, молодые люди? – спросила выросшая из-под земли тетка с лотком, прихваченным ремнями.

Игорь качнул отрицательно головой.

– А я возьму, – рассмеялась Полина. – Только посолите получше.

Тетка приняла деньги, потрясла солонкой над лотком и позволила Полине выбрать початок – Полина вытянула верхний, блестящий в свете фонарей, окутанный облачками пара. Игорь втянул

ноздрями горячий кукурузный запах – мешающийся с запахом близкого моря и табачного дыма, – и под ложечкой у него засосало.

«Надо было брать!», – пнул он себя мысленно, глядя вслед тетке.

Полина ухватила початок неловко, двумя руками, укусила, уронив зернышко-другое на асфальт, и закатила глаза от удовольствия. Потом увидела, что Игорь смотрит, и отвернулась, смеясь.

– Не смотрите, пожалуйста, – попросила она. – Я, наверное, ужасно выгляжу.

– Мы на ты, – напомнил Игорь и отвернулся, посмотрел на море. – Отвернулся.

Отсюда, от парапета, видно было и спускающийся к воде пляж – мерцающий крупной галькой, – и белые гребешки волн, набегающие и отступающие. Вдалеке покачивались на воде огни, за ними скользил, вскидывая сверкающий бок, катерок, тянул за собой след из пены. Теплый ветер то налетал, катился по набережной, то затихал – и потом налетал опять.

– Я бы прошелся, – предложил Игорь. – Чего на месте стоять.

Полина, спиной к нему расправляющаяся с кукурузой, угукнула и обернулась, кивнула с готовностью.

«Чудачка какая-то», – подумал Игорь.

– Ты извини, пожалуйста, – зажмурилась Полина. – Я проголодалась просто. Планировали на ужин пойти в ресторан – а подруга... – Полина вздохнула. – Ну и пришлось перебиваться бутербродами.

– Можем где-нибудь перекусить, – пожал плечами Игорь.

Полина снова зажмурилась.

– Боже, я теперь выгляжу еще глупее. Пойдем скорее отсюда, здесь какой-то пятак неловкости. Я уже сыта, честно-честно, мне много не надо, я худенькая.

«Селедка», – вспомнил Игорь слова кореша.

И они зашагали по набережной – вдоль парапета, возле которого толпились тут и там компании, распивали вино или пиво, или сидели, целуясь, парочки – навстречу огням и музыке, то вливаясь в какую-нибудь толпу, то огибая ее. Набережная шумела, искрилась, пела тысячей голосов, смеялась и спорила, зазывала попробовать домашнее вино – самое лучшее – или записаться на экскурсию, или покататься на катере – том самом – или посетить развалины замка, и никому не было дела до того, что уже совсем почти ночь, даже, наверное, наоборот, все радовались хоть какой-то, тоненькой, прохладе, разбавляющей привычный зной, и хотели наслаждаться ей как можно дольше.

– Вообще я всегда в первый день обгораю, – поделилась Полина, озираясь в поисках урны – выбросить объединенный початок. – А тут как-то повезло. То ли крем хороший, то ли время выбрала удачно...

Она шагнула в сторону и вернулась, отряхивая руки.

– Завидую людям, у которых получается нормально загорать, – продолжила она и бросила взгляд на Игоря. – У тебя с этим, кажется, проблем нет.

И тут же закрыла лицо руками.

– Боже, что я несу, – она просяще посмотрела на Игоря. – Пожалуйста, не обращай внимания. Я не только загорать не умею, я еще и общаюсь сикось-накось, все время неловко.

– Да что тут неловкого, – улыбнулся Игорь. – Все в порядке. Да-а, у меня с этим проблем и правда нет, – Полина снова закрыла лицо руками. – Ну, повезло, наверное.

– Да, это же от кожи зависит... Подруга вот тоже – день-два, и вся коричневая.

– А пока – зеленая, – не удержался Игорь.

Полина посмотрела с укоризной.

– Я бы ей позвонила, – она достала из сумочки телефон – крошечную сиреневую раскладушку, – спросить, как дела. Но она, наверное, спит. Пусть спит. Если что – напишет.

Посмотрела на Игоря.

– Но если напишет, мне нужно будет идти. Иначе что я за подруга?

Игорю в ее словах послышался упрек – потому что не выхаживает кореша с подвернутой ногой? Он крикнул досадливо и ничего не сказал.

– Мы с ней на самом деле не то чтобы прямо вот дружим, – задумчиво проговорила Полина. – Учимся вместе, со второго курса. Общаемся, да, тесно, но... Разве это назовешь дружбой? Так вот вышло, что была возможность поехать – я и поехала. Не отказываться же.

Игорь кивнул неопределенно.

– Я вот иногда думаю, что и вправду женской дружбы... – она спрятала телефон в сумочку. – Ну, нету ее вообще. Ты как считаешь?

Игорь надул щеки, выпустил шумно воздух – изобразив замешательство.

– Не знаю, – сказал он. – Я ж не женщина.

Полина улынулась.

– Не поспоришь.

И снова зажмурилась.

– Это я не к тому, что... – она замахала руками смущенно. – Ну, то есть... Ну, понятно же, что ты не женщина...

Игорь почувствовал себя неловко – словно сам делал или говорил что-то комичное. Какое-то время шли молча.

«А на трезвую голову все не так весело, как ожидалось», – подумал Игорь и, хотя и зарекался пить до отъезда – не мог уже больше как будто, – предложил:

– Может, вина?

Полина пожевала задумчиво губу.

– Можно, наверное, – протянула без особого энтузиазма.

«Еще и кочевряжится», – подумал Игорь. – Решила, наверное, что я ее клею».

– Если не хочешь, можем не брать, – пояснил он. – Я вообще и не собирался, если честно – пить. А сейчас вот решил, что можно было бы, наверное.

«Я теперь какую-то чушь несу, – подумал он. – Это заразно, что ли?»

И он подумал, что и сам не знает, что и зачем здесь делает – идет с этой селедкой, собирается пить вино, слушает ее рассказы про женскую дружбу, про загар, смотрит, как она ест кукурузу... Не лучше ли вернуться в номер, да и просто выспаться перед дорогой?

– Нет-нет, – замотала головой Полина, и волосы заметались вокруг ее лица. – Давай купим, конечно, какое море без вина. Я просто не так часто пью, так что будь готов, что могу... ну, это... чудить. Расплачусь, например, или...

И она снова зажмурилась – прямо на ходу, рискуя споткнуться или налететь на кого-нибудь из идущих навстречу.

«Этого еще не хватало», – подумал Игорь.

И представил, как будет хохотать кореш – слушая историю его походов.

«А вот хрен я ему что расскажу, – решил Игорь. – Ему что ни Расскажи, хохочет как дурак. Не сдержусь однажды – и двину как следует».

– Тут где-то продуктовый был... – Игорь заозирался, увидел знакомые витрины и махнул Полине рукой, призывая следовать за ним.

В магазине – напоминающем холодильник из-за кондиционеров и льющегося со всех сторон белого света – пока стояли в шумной, пестрой очереди, Полина полезла в сумочку за кошельком.

– Сколько получится? – спросила она.

Игорь поджал губы, засопел с досадой, уговорил кошелек спрятать.

– Белое? Красное? – спросил он.

Полина пожала плечами.

– На твой вкус.

Игорь нашел глазами вино, которым они с корешем упились несколько дней назад, решив отказаться от крепкого – недорогое, но при этом как будто приличное – и, когда оказался у кассы, купил бутылку, взял сыра на закуску. И потом уже от дверей вернулся, извинился перед очередью,

влез к кассе и попросил два пластиковых стаканчика. Не из горла же с ней хлестать.

2

Игорю мороженое не показалось вкусным – но Павлик уплетал его за обе щеки и восторгался, закатывал глаза.

– Ешь по чуть-чуть, – предупредил Игорь. – Горло заболит.

– Хорошо, папа, – послушался Павлик и вправду стал есть спокойнее, размеренно. – А мама зимой мороженое не покупает.

– Я бы тоже не покупал, – признался Игорь. – Но на то традиции и нужны, чтобы их соблюдать.

За широкими окнами мело и выюжило, а в кафе было тепло и уютно, играла приятно музыка, немногочисленные посетители позвякивали ложечками. С полок и подоконников смотрели глиняные игрушки, тут и там болтались тряпичные коты.

В окнах сквозь метель светились колонны театра.

Игорь скользнул взглядом по кафе и встретился глазами с девушкой-бариста, она улыбнулась приветливо – приветливее даже, чем можно было ожидать.

«Заметила, что без кольца», – решил Игорь.

Он посмотрел на Павлика – на то, как тот справляется с мороженым, как причмокивает и трет губы салфеткой, как ерзает на стуле не в силах и пяти минут усидеть спокойно, – и отметил, что с возрастом Павлик все сильнее похож на него, а ведь прежде, казалось, точь-в-точь мать.

«Как быстро растет, – подумал Игорь. – В следующий раз приеду, а напротив меня мужик с усами».

Он вспомнил предыдущую встречу – это же кафе, этот же театр, только мело за окнами не снегом, а золотом листвы, стояло бабье лето, и Павлик был одет в легкую курточку, а не пуховик, и на курточке поблескивал гордо значок «Я – первоклассник!».

– Когда ты приедешь? – спросил Павлик, точно услышал его мысли. – В следующий раз?

Игорь пожал плечами, улыбнулся.

– Через пару месяцев, наверное. Как с мамой договоримся.

Он всмотрелся в круглые светлые глаза.

– А ты хочешь, чтобы я почаще приезжал? – и тут же скривился: что за манипуляции?

Павлик кивнул, заболтал ногами под столом.

– А когда я к тебе приеду? – спросил он, наболтавшись.

Игорь задумался. Он забирал Павлика в Москву в начале лета, и Павлик на второй день отравился чем-то, затемпературил, пришлось вызывать врача. Примчалась ближайшим поездом жена – бывшая, – не поверила, что Игорь справится сам, а с ней приехал и Олег, они сняли номер в гостинице и забрали Павлика туда, и Игорь приезжал каждый день, сидел подолгу, читал вслух сказку о потерянном времени, но чувствовал, что его присутствию не рады и в произошедшем винят его.

– Вот это не знаю, братец, – развел руками Игорь. – После нашего прошлого приключения...

Павлик усмехнулся, заболтал ногами.

– А мы маме не скажем, если я снова отравлюсь. И я тебе не братец, папа.

– Самый настоящий братец, – Игорь перегнулся через стол и взъерошил Павлику волосы. – Кто если не ты?

Павлик вывернулся, скривил лицо, тут же вернулся к мороженому – как будто забыл о том, что его только что волновало.

Игорь снова поймал на себе взгляд из-за стойки, улыбнулся дежурно в ответ.

– Как школа? – спросил он, отодвинув от себя миску с недоеденным мороженым, асимметричную, выгнутую вбок, глянцевую внутри и шершавую снаружи. – Нравится?

Павлик подумал и кивнул.

– На одни пятерки, я надеюсь?

– Нам не ставят оценок, папа. Плюсики только.

– Так не интересно, – Игорь изобразил разочарование. – Нам и пятерки ставили, и шестерки с семерками, и иногда даже десятки.

– Не придумывай, папа, – засмеялся Павлик и нечаянно спихнул со стола ложку, тут же полез за ней.

– Погоди-погоди, – опередил его Игорь.

Он свесился под стол, поднял ложку и вручил спешащей к столику девушке, принял от нее новую.

– Спасибо, – сказал Павлик. – Можно мне еще мороженого?

– Ни в коем случае, – качнул головой Игорь. – А мне принесите, пожалуйста, американо. Два сахара.

Девушка кивнула, улыбнулась лучезарно и упорхнула.

«Милая, конечно, – отметил Игорь. – Неужели свободная?»

– Папа, – позвал Павлик. – А ты когда был первокласником?

Игорь надул щеки, выпустил с шумом воздух.

– Первокласником... – повторил он. – Да лет, наверное... – он прикинул в уме, – двадцать девять назад. Двадцать восемь.

Павлик сделал удивленное лицо.

– А я тогда уже родился?

– Нет, ты еще не родился.

– А мама?

– Мама родилась.

– А Олег?

Игорь против воли скривился.

– Олег – не знаю. Может, еще не родился.

– Родился! Он старше мамы на год, месяц и день!

– Братец, – серьезно сказал Игорь. – Если ты знаешь ответ, зачем спрашиваешь?

– А я тебя проверял.

Игорь усмехнулся, принял от девушки кофе, отхлебнул.

– Олег говорит, что кофе вечером пить нельзя, – сообщил Павлик.

– Олегу нельзя, – пожал плечами Игорь.

Ответ Павлика развеял. Он снова заболтал ногами и стал со скрежетом собирать с тарелки остатки мороженого.

– Как секция? – спросил Игорь. – Ходишь?

С осени Олег отвел Павлика на рукопашный бой, жена – бывшая – поступила порядочно и предварительно позвонила Игорю, спросила, не против ли он. Игорь уточнил, что за секция, нашел номер тренера и разузнал все в деталях. Затем перезвонил жене – бывшей – и сказал, что не против.

– Хожу, – кивнул Павлик.

– Нравится?

Павлик подумал, затем снова кивнул.

– Никто не обижает?

– Нет, папа! Я сильный, меня нельзя обижать!

Игорь улыбнулся удовлетворенно.

– А сам никого не обижаешь?

– Нет.

– Смотри, – строго сказал Игорь. – С большой силой приходит большая ответственность.

– Я знаю, это из человека-паука. Мы с Олегом смотрели.

– Ого, – удивился Игорь и вспомнил, что там и кровь, и Зеленый гоблин погибает довольно... наглядно. Хотел спросить, не рановато ли, но передумал – чтобы не выглядеть в глазах сына тем,

кто ограничивает, лишает развлечений. Хочешь цензурировать супергеройское кино – не надо разводиться. Потом поразмыслил и все-таки спросил: – А не рановато, братец?

Павлик замотал головой.

– Я глаза закрывал, – сообщил он. – Когда Олег говорил.

«Я бы этому Олегу... – подумал Игорь. – Глаза бы закрыл».

Они поговорили еще про «Человека-паука», про рукопашный бой, про спектакль, который смотрели перед тем, как есть мороженое. Показывали «Петрушку» – и Игорю было скучно сидеть в зале, а вокруг все смеялись, и дети, и взрослые, и Павлику понравилось, он смотрел, затаив дыхание, ерзал в кресле и вытягивал по-птичьи шею, чтобы все было видно. Потом снова говорили про секцию, Игорь рассказал, как сам занимался – то боксом, то кикбоксингом, то тхэквондо – как учился на специальном спортивном факультете, где только и делал, что курсировал от зала на стадион и обратно, как затем служил в специальной спортивной роте, как подрабатывал тренером в первые годы после переезда в Москву.

– Ты сильнее Олега, папа, – довольно сообщил Павлик.

– Конечно, я сильнее Олега! – фыркнул Игорь. – Тоже мне, как чего скажешь.

– Но Олег хороший.

Игорь вздохнул.

– Конечно, хороший, – согласился он. – Я же и не говорил, что он плохой. Твоя мама бы... Ну, она бы плохого человека домой не пустила, правильно?

Павлик кивнул. Мороженое он доел и теперь сидел, выложив локти на стол, ковырял руками все, до чего дотягивался – вазочку с сухоцветами, салфетницу в виде домика, театральные буклеты, сложенные в гармошку.

– Осенью спектакль был интереснее, – поделился Павлик. – Мне больше понравилось.

Осенью смотрели «Конька-горбунка».

Поговорили про «Конька-горбунка», сравнили с «Петрушкой», вспомнили «Кота в сапогах», на которого ходили летом. Поговорили про театр вообще – детский – про цирк и кино, про школу и книжки. Снова вернулись к секциям, к «Человеку-пауку», помечтали о том, кто какую суперсилу хотел бы иметь, посмеялись над Олегом, заказали по пирожному – «маме не говорить», – стянули с полки и полистали альбом с фотографиями посетителей, нашли среди них актера, игравшего «Петрушку».

А за окнами все мело и мело, и светились загадочно колонны, и мимо них проплывали огни фар. В кафе приходили новые посетители – с мороза, присыпанные снегом, краснощекие и пылящие – кто-то из сидевших до этого расплачивался и уходил, благодарил девушку-бариста. Она, если не делала кофе и не подавала десерты, что-то писала в пухлую тетрадь на пружине, подперев щеку рукой. Игорь думал, что мог бы сидеть так хоть неделю, хоть месяц – пить кофе, смеяться над Олегом, рассматривать сына, думая о том, что в нем изменилось, представляя, каким он будет, когда вырастет – копия Игоря, не отличить! Павлику тоже, видимо, нравилось сидеть и разговаривать – но видно было, что он устал, что начинает клевать носом и зевает.

– Мама звонит, – сообщил, зевнув, Павлик и показал на телефон Игоря, выложенный на стол.

С экрана на Игоря смотрела жена – бывшая – хмурила брови, закусывала пухлую губу. Игорь нарочно выбрал такое фото – не самое удачное, неприветливое, чтобы ненароком не ёкнуло во время звонка.

– Ну как вы там? – спрашивала жена. – Мы уже подъехали.

Игорь посмотрел в окно и различил сквозь метель машину Олега, припаркованную у обочины. Сам Олег стоял перед капотом и курил.

«Дома небось курит, сволочь», – подумал Игорь.

– Да закругляемся уже.

– Давайте, Павлику спать надо. Утром в школу.

– Слушаю и повинуюсь!

– Дурак.

Игорь еще посидел немного – специально, пусть ждут – порасспрашивал Павлика обо всем на свете. Павлик отвечал с охотой, но зевал так часто, что Игорь сам захотел спать.

– Скажи мне, братец, – задал Игорь последний вопрос перед тем, как собираться. – А Олег дома курит?

– На балконе.

Игорь склонил голову набок.

– Ну, на балконе – это ладно. Ты же знаешь, братец, что курить нельзя?

Павлик кивнул.

– Кто курит, тот, братец, умрет раньше положенного.

Павлик вскинул испуганные глаза.

– И Олег?

Игорь цыкнул – «пересолил».

– Олег, пожалуй, нет.

Павлик подумал, выдохнул с облегчением.

Вылезли из кресел, Игорь расплатился у стойки – девушка игриво захлопнула тетрадь, накрыла рукой, точно прятала написанное от него, – влезли в куртки. Павлика пришлось закупоривать в пуховик как космонавта. Вышли на улицу – метет как на северном полюсе – пробились сквозь метель к машине. Жена – бывшая – уже вышла, стояла, перетаптываясь сапожками – красивая, в шубе, с тяжелой прической, которую даже метель не в силах сдвинуть, с обжигающими темными глазами.

– Павлик, деточка, – воскликнула она так, словно Игорь забирал сына не на полдня, а на полгода. – Как ты, маленький?

Павлик проворчал что-то, полез за открытую дверь в салон, потом вылез, протопал к Игорю и уткнулся лицом в его куртку.

– Пока, папа!

Игорь сел на корточки, обнял сына, потряс, поцеловал в обе щеки – мягкие и теплые.

– Коляешься! – зажмурился Павлик, стал уворачиваться.

– Будь здоров, братец, – Игорь поправил дутый капюшон, шарф с лягушатами. – Маму слушайся, Олега не обижай.

Павлик еще раз раскинул руки для объятий, затем спрятался в салон. Олег затушил сигарету – вторую, что ли, курил, пес? – подошел, пожал руку.

– Подбросить до вокзала?

Жена уже сидела на пассажирском, смотрела в телефон.

– Да ну, – скривился Игорь. – Прогуляюсь, воздухом надышусь перед Москвой.

– Ну как знаешь.

Перекинулись парой каких-то фраз, Олег еще раз пожал Игорю руку и обошел машину, сел за руль, постучав предварительно по дворникам – сбил наледь. Зажглись фары, помахал сквозь затемненное стекло Павлик – и колеса взвизгнули, пробуксовывая. Когда машина скрылась за перекрестком, Игорь сунул руки в карманы, застегнул куртку до подбородка и зашагал в противоположную сторону, к вокзалу.

Прошел несколько метров и обернулся, отвесил поклон театру, поблагодарил за «Петрушку».

Между колонн трепыхались в метели растянутые афиши – бились, точно флаги, хлопали туго, рвались прочь с креплений.

3

Эта женщина долго не отвечала, а затем написала, что да, Полинин муж изменяет Полине с ней – но не потому что она, женщина эта, какая-нибудь там шлюха или Полинин муж – подлец и сволочь, а потому что любви противиться нельзя, любви не прикажешь и пятое-десятое. Написала она это как будто с неохотой, но без стеснения, с вызовом даже, даже чуть ли не с достоинством – и так как с аватарки она смотрела сверху вниз, то и Полине показалось, что, сообщая ей

об измене, *эта женщина* смотрит на нее, Полину, сверху вниз.

Полина сперва сидела, точно ее ударили, оглушенная, а затем заблокировала женщину во всех мессенджерах – старуха какая-то, старше Полины почти на семь лет, искусственная вся – и заплакала.

Муж спал – умаялся, бедный, вон как храпит, – и дочь спала – в отведенном под детскую уголке зала, – за окнами стояла неподвижная, черная с серебром – небо и снег – ночь. От кухонного стола видно было, как вдалеке, за полем, светятся холодно и спокойно огни на железнодорожных путях – зеленый, синий и оранжевый, – но сквозь слезы казалось, что они расплываются и шевелятся медузками.

Темными вечерами, дожидаясь мужа домой, Полина придумывала дочери сказки про эти огоньки – это звезды с неба упали, это волшебные фонарики, это феи или светлячки, или дивные цветы, прорастающие сквозь асфальт. Зимой землю от неба отделил снег, а осенью, в особенно темные вечера казалось, что нет никакого поля, нет никаких путей, а есть только небо, небо, небо, и в нем – разноцветное, зеленый, синий и оранжевый, созвездие.

– Жили когда-то три сестры, – говорила Полина дочери, и дочь слушала, затаив дыхание, распахнув глаза.

– Мама, – шептала дочь, – можно я это в саду девочкам расскажу?

– Можно, конечно, милая, – улыбалась Полина.

Она размазала слезы по щекам и проговорила шепотом:

– Какой же ты...

И не нашла слова, которое бы выразило все, что она думает.

В кухне тикали часы, шумели трубы – из-за морозов топили усердно, хотя на их этаже, последнем, четырнадцатом, под самой крышей, было все-таки прохладнее, чем ниже.

В обычные дни Полине нравилось думать, что сразу за потолком – точно бы пятнадцатым этажом – начинается небо, но сейчас она об этом думать не могла. И вообще ни о чем не могла – сидела точно в тумане и растирала слезы.

Ее – эту женщину, старуху эту раздутую, губы как пельмени – переписку с ней Полина нашла давно, в ноутбуке мужа, в истории браузера. Нашла случайно, среди всей его порнухи – пропустил, видимо, и не удалил. Долго присматривалась, следила за ним, отмечала какие-то мелочи, сопоставляла время приездов и отъездов. Когда могла – заглядывала в мессенджеры, сверлила взглядом раздражающую аватарку, вчитывалась в сообщения, касающиеся, в основном, работы. Однажды обнаружила нечто двусмысленное – от *нее*, не менее двусмысленный ответ. Затем еще и еще. Полина долго не верила, вся издергалась, стала плохо спать и во снах видела такое, что просыпалась в слезах, признала, что да, муж охладел – и охладел как будто давно, что-то изменилось во взгляде, согнулось как будто – а затем вот решила и написала, спросила прямо. Была готова к возмущению и отнекиванию, к смеху даже – лучше так, чем ночами не спать, – а та взяла и ответила прямо. Прямой вопрос – прямой ответ.

Полина вернулась в диалог, перечитала сообщение, почувствовала себя так, словно влезла под контрастный душ, открыла фотографию, вгляделась – ну кукла же, дутая, чем взяла? Неужели же ее муж такой дурак? Или они все – дураки, перед которыми только выгнись как следует, и вот уже нет ничего, все исчезло, утонуло в слюнях? Не может же быть, чтобы так!

Полина, капая на ночнушку и на пол слезами, прошла к дочери, поправила одеяльце, послушала ровное теплое дыхание. Села на ковер у кровати и посидела так, подогнув одну ногу под себя, глядя, как превращается в оранжевую медузку – медузу – ночник в углу, расплывается, меняет очертания – а затем встала и пошла к мужу. Склонилась над ним и, содрогаясь от отвращения, потрясла за плечо. Муж перестал храпеть, перевернулся на другой бок, к стене. Полина потрясла еще – плечо горячее, острое, прощупывается выпирающая в сторону косточка.

– По-о-ля... – пробормотал муж. – Что там у тебя...

– Я все знаю.

– Я тоже все знаю, – сонно буркнул муж. – Делов-то.

– Я про вас все знаю.

Пауза.

Пауза затянулась – делает вид, что уснул?

– Я все про вас с ней знаю, – сказала Полина тверже. – От нее.

По дыханию она поняла, что муж не спит.

– Я знаю, что ты не спишь.

– Вообще-то сплю...

Он медленно повернулся к ней, посмотрел непонимающе – точнее, в темноте ей показалось, что он смотрит непонимающе. Полина шагнула к двери и прикрыла ее, щелкнула выключателем – спальня озарилась светом. Муж зажмурился, потянул к лицу одеяло, затем сел в кровати.

– Ты что творишь? – проворчал он, растирая красные глаза.

Полина повторила, что все знает, и для убедительности показала – из своих рук – переписку.

– Да что там? Дай посмотреть! – рыкнул муж, но она отдернула телефон.

– Смотри так!

Он вытянул шею, прищурился, зашевелил губами, читая. Затем молчал мгновение – застывшее, ничего не выражающее лицо, маска, а не лицо – затем рассмеялся:

– Что за херня? – и он запрокинул голову, захохотал беззвучно, под щетиной запрыгал кадык.

– Это же херня чистой воды, бред!

Он спихнул с себя одеяло, сел, спустив ноги на пол, выпрямил спину до хруста, потянул руки к Полине.

– Поля! – лицо его светилось улыбкой, глаза сверкали из-под бровей. – Это же дура, сумасшедшая! Зачем ты ей написала? Она мне проходу не дает, а я ее игнорирую – вот и бесится.

Он коснулся кончиками пальцев ее ночнушки, Полина отпрянула – а внутренне забилась, точно рыба на крючке: а вдруг правда? вдруг *та* соврала специально, чтобы насолить, чтобы нагадить, если уж не получилось соблазнить?

– Поля, ну что ты как ребенок? – муж заулыбался еще шире и встал, пошел на нее. – Ты теперь каждому бомжу поверишь, если он набрешет с три короба?

Полина всмотрелась в синие, точно вода на глубине, глаза, впиалась в них взглядом, втянулась в них, вся, точно дым или свет – и выхватила, как выхватывают, посмотрев на страницу, слово, фразу, выхватила, увидела что-то, почувствовала, распознала краешком сознания. И поняла, что нет, *та* не соврала.

– По-леч-ка, – замурлыкал муж, понизив голос, полез с объятиями, заскрипел щетиной по шее. – Ну что ты, дурилка? Куда я от тебя?

Полина вывернулась, отбежала к дальней стене, к лоджии, покачала горестно головой, дала понять, что не верит. Муж постоял посреди спальни в трусах – как будто начал одеваться и передумал – потом снова попросил переписку, перечитал – Полина держала телефон в вытянутой руке, телефон ходуном ходил, муж подставил указательный палец под кисть – перечитал и вздохнул, поиграл желваками.

– Мне очень жаль, – только и сказал он. И повесил голову на грудь. Пол под Полиной исчез, и она понеслась сквозь этажи куда-то вниз, – но тут же вскинулся и вытаращил глаза, прижал руки к груди. – Но это ничего не значит! Ничего же это и не значит, конечно! Кто же не ошибается, Полина! Но это все пыль, говорить не о чем, я тебе точно говорю, мне же никто не нужен, у нас же семья, мы же с тобой...

И он затараторил, то в голос, то шепотом, заговорил так быстро, что слова стали сливаться, склеиваться, хлынули на Полину потоком – а она все летела вниз, и этажам конца не было видно.

– Да пойми же ты!..

Этажи закончились, она вонзилась в землю, ноги подкосились. Муж тут же подхватил ее за подмышки, потащил к кровати, усадил, заохал, потом убежал из комнаты и вернулся со стаканом ледяной воды – и пока она отпивала крошечными глотками, все говорил что-то, говорил и говорил, а до нее долетало только эхо.

– Я тебе обещаю, Поля, я тебе клянусь, я сейчас же все это вот... Ни слова, ни полслова, все, нет уже ничего, да и не было, не было, Поля... Все, смотри, вот, ничего же уже...

И он двигал руками – точно невидимые веревки рвал.

– Вот! Видишь, все! Я тебе клянусь, Полечка, ты же мне веришь, я же знаю тебя так, как никто не знает, я знаю, что ты мне веришь! Я...

Полина и слушала, и не слушала – пила воду, чувствовала, как вода проваливается в горло, улетает вниз, к груди, к солнечному сплетению. Если муж обнимал – выкручивалась, вытягивалась из рук, если тыкался в лицо поцелуями, прятала губы и нос в плечо. Муж вскакивал, распался, размахивал руками, что-то доказывая, потом падал на кровать, шептал ласково, посмеивался – тут же хмурил брови и злился, видя, что старается напрасно.

– Нет тут виноватых, понимаешь! – наседал он. – Ну вот случается такое, что же теперь поделать! Да это же сплошь и рядом, Полина! Все ошибаются! Ты, что ли, не ошибалась? Ты что ли не... не делала глупостей? Не повезло нам, да, но мы же выпутаемся, мы же сможем! Мне же кроме тебя никто не нужен, никто! Ты же веришь, что никто?

Он устал объяснять и ушел в кухню, загремел там стаканами.

«Ребенка разбудит», – подумала Полина.

Встала, постояла, прислонившись к стене плечом. Прошла в ванную и долго умывалась, набирала в горсть воды и погружала в нее лицо. Когда открыла глаза в очередной раз, увидела в зеркало, что муж стоит за спиной, что веки у него красные и воспаленные, точно болеет чем-то – стоит и смотрит на нее умоляюще.

– Прости меня, – он обхватил ее сзади, прижался, придавил плечами. – Прости меня, прости меня, прости меня...

И точно сломался – шептал одно и то же, зарывался в волосы, целовал затылок и шею. А потом отпрянул и заскрипел зубами, зажмурился.

– Да что же ты молчишь! – зашипел он. – Молчишь почему? Я кому это все объясняю? Почему игнорируешь?!

«Еще кинется, – подумала Полина как-то отстраненно. – Задушит, или головой об раковину... Чего теперь от него ждать?»

И тут же стряхнула с себя эти мысли – нет, нет, зачем это?

– А что мне тебе сказать? – тихо пробормотала она, чувствуя, как с носа и подбородка капает вода, как липнут к щекам намокшие волосы.

– Да хоть что-нибудь скажи, не молчи только.

Полина пожала плечами.

– Ничего в голову не приходит. Побудешь с малышкой? Мне на воздух надо.

Муж заволновался.

– Какой воздух? Зачем тебе? Иди на лоджии постой.

– Нет, лоджия – не то, – протянула Полина. – Пройдусь немного, проветрюсь.

Собственный голос звучал для нее как будто со стороны – откуда-то сбоку.

– Полина, – муж встряхнул ее за плечи. – Ты только давай не дури! Пугаешь меня!

Полина улыбнулась – сама не поняла, как.

– Я не дурую, – сказала она. – Дай мне, пожалуйста, пройтись, мне сейчас это нужно.

Муж помолчал и отступил в сторону, выпустил ее из ванной. И потом, пока она влезала в джинсы и свитер, пока куталась в пуховик и завязывала шнурки на ботинках, пока заматывала шею шарфом и искала шапку – шапку нашел муж, подал – он не отводил от нее взгляда и смотрел пристально, с тревогой и недоверием.

– Поля, Полечка, – зашептал он, когда она щелкнула замком, потянула дверную ручку вниз.

– Не дури, пожалуйста, это все такая херня, потом еще смеяться будем. Пройдись немножко, подыши и возвращайся, хорошо? Я за тобой с лоджии следить буду, чтобы ты далеко не ушла? Если что, смотри у меня, как запульну снежком... Я меткий, ты же знаешь, я...

Полина посмотрела на него с тоской, кивнула успокаивающе, пообещала далеко не уходить. Попросила не шуметь, чтобы не разбудить малышку – а если та все-таки проснется, соврать ей, что мама спит, рассказать какую-нибудь сказку, что в голову взбредет.

Вышла в подъезд и закрыла за собой дверь.

4

Пить вино прямо на набережной, у парапета, Полина отказалась – неловко. Игорь поцыкал с досадой и показал на одну из убегающих вверх улочек.

С такой же спускались они с корешем – улочка таяла в тени крон, выше ее стискивали дома, громоздились друг на друга жилые коробки и отели.

– Да, можно... – протянула Полина.

Но когда оказались в тени, она замедлила шаг, обернулась на сверкающую огнями набережную и проговорила с беспокойством:

– Только я далеко не пойду... Я... улиц этих не знаю, мало ли что, вдруг заблудимся...

«Во дает, – подумал Игорь с раздражением. – Думает, я что?.. В темный угол ее утащу?»

– Да я сам далеко не пойду, – ответил он. – Смысл?

Они прошагали в гору еще пару перекрестков – навстречу спускались к набережной компании, сзади тоже спешили, нагоняли, опережали их, извиняясь – и Игорь огляделся.

– Ага, вот оно.

Он свернул в совсем уж темный проулок, обернулся и помахал Полине.

– Тут посидеть можно! И пока свободно!

Полина обхватила себя руками и двинулась за Игорем – и скоро остановилась у крыльца какого-то магазина.

Магазин был закрыт – возможно, давно, – на дверях висел замок, окна прятались за узорными решетками, но слева от крыльца вырастал из асфальта стол с деревянной столешницей и две лавки по обе стороны.

И стол, и лавки были прикручены к тротуару – чтоб не убежали.

– Мы тут с корешем в первый день заседали, – сообщил не без гордости Игорь. – Бродили по округе и нашли вот. Вполне себе место для привала.

– Действительно.

Полина опустила на лавку – ноги ныли после подъема – выложила локти на теплое дерево столешницы. И пока Игорь возился с вином – пока ключами и пальцем проталкивал пробку внутрь горлышка, штопора-то нет, – осматривалась. Вдаль, в темноту, уходили строем редкие фонари, роняли на улочку пятна света, выхватывали-выцарапывали то ступени крыльца, то угол дома, то припаркованный кое-как, тремя колесами на тротуаре, автомобиль. Над черными силуэтами крыш и крон фиолетово мерцало небо – с точками звезд. Густо и приторно пахло какими-то фруктами – не то абрикосами, не то сливами – и пылью.

– Вуаля! – воскликнул Игорь, и в стаканы полилось черное в потемках вино.

Полина взяла стакан, понюхала, Игорь скривился.

– За знакомство? – спросила Полина и улыбнулась.

– За знакомство, – согласился Игорь.

Они стукнулись беззвучно стаканами, выпили, Игорь причмокнул.

– А ведь зарекался пить! – усмехнулся он и выпил еще.

– Ну уж извини.

– Да ты-то тут причем...

Он тут же подумал, что получилось грубо, и пояснил:

– Я же взрослый человек, сам решаю.

Полина не смогла сдержать смехов.

«Повезло с собутыльницей», – подумал Игорь раздраженно, но потом представил, как его слова прозвучали со стороны – «я взрослый!», – и тоже усмехнулся.

– А чем же взрослый человек занимается? – спросила Полина, усаживаясь поудобнее и подпирая щеку ладонью, точно готовилась внимательно слушать. – Когда не отдыхает на море?
– Взрослый человек учится, – развел руками Игорь. – Третий курс.

Полина отхлебнула вина.

– Сейчас угадаю... – она покачала пальцем из стороны в сторону. – Истфак?

– Почти. Физвос.

Полина ойкнула.

– Извини.

Игорь изобразил недоумение.

– Э... А за что извиняться? Физвос – такой же факультет, как и все.

– Да-да, конечно, – Полина заслонила от него стаканом. – Я снова говорю ерунду какую-то... Помолчали.

– А почему ты подумала про истфак? – прыснул Игорь и долил вина себе и Полине. – Я что, на историка похож?

– Не знаю, – пожала плечами Полина. – Наверное, не похож, но вот подумалось почему-то... Мы с подругой рассуждали в шутку – и решили, что вы с истфака. Ой... – она вспомнила про подругу и полезла в сумочку за телефоном.

Щелкнула, раскрываясь, раскладушка, лицо Полины осветилось голубоватым светом.

«Селедка», – вспомнил Игорь.

– Не писала, не звонила, – сообщила Полина, и лицо ее погасло. – А мы вот филфаковские.

И она – вино? – вдруг принялась рассказывать про свой филфак, второй курс, за несколько сотен километров от его физвоса, про подругу, про то, как смешно у них преподаватель к каждому третьему слову добавляет карикатурно-старинное «с», про университет, в котором яблоку некуда упасть, про какие-то конференции...

– Девушки-с, – пародировала она преподавателя. – Запомните, что филология-с... это не развлечение-с, это...

Игорь слушал, пил вино, дышал сладким теплым воздухом – который сам был похож на вино – и чувствовал, что ему весело. Он дослушал, налил еще – себе и Полине – и сам стал рассказывать про учебу, про то, почему пошел на физвос, про кореша, про нормативы и, да, стереотипы, не обидные, а смешные. Полина слушала и хохотала – запрокидывала голову, закрывала рот ладонью.

– Никогда, – говорила она, чуть не плача. – Никогда и представить себе не могла...

Потом говорили про море, про город – Игорь рассказывал о том, что нужно посмотреть обязательно, а на что времени тратить не стоит, о лучших местах для купания и для того, чтобы загорать, о единственном на всю набережную нормальном клубе. Полина слушала внимательно, только что не записывала, глаза ее поблескивали – и Игорь думал, что при таком освещении, скудном, она уже не кажется такой несуразной, как прежде, а наоборот – выглядит вполне себе, даже не вполне себе, а как будто почти красивой... Он не пьянел – расслабился только, мысли побежали в приятном, спокойном темпе – а Полину, кажется, понемногу развивило.

– Представляешь? – смеялась она. – А вы, говорю, Катин дедушка? Нет, отвечает, папа! Я чуть со стыда не сгорела, представляешь!

Она совсем разговорилась – и рассказывала уже и про детство, и про какие-то свои страхи, и про планы на будущее.

– Хочу жить высоко! – признавалась она. – Чем выше, тем лучше!

И раскидывала в стороны белые руки – точно хотела взлететь.

«Хорошая девчонка, – думал Игорь. – Не хуже других».

Улочка была тихая, и их голоса звучали далеко и отчетливо – а вокруг голосов шелестела негромко листва, гудело призрачно, долетая с набережной и переплетаясь с шелестом, эхо музыки. Изредка вышагивали мимо с разговорами туристы и местные, раз протарахтел мопед.

– К нам кто-то идет, – сообщила Полина.

Игорь повернулся и увидел, как от дома напротив спешит к ним через улочку, шаркая сланцами, невысокий, коренастый мужик.

– Э, молодежь, – начал, еще не подойдя, мужик. – Задолбали гоготать, ночь на дворе!

Мужик приблизился к столу и замер руки в боки, Игорь разглядел на растянутой футболке логотип баскетбольной команды – Миннесотта Тимбервулвс.

– Я этот стол срублю нахрен, – пригрозил мужик. – Каждую ночь одно и то же, одно и то же. Ты тут ее окучиваешь, – мужик кивнул на втянувшую голову в плечи Полину, – а мне все это слушать! А потом ты утром слюни будешь с похмелья в подушку пускать, а мне – пахать!

Игорь сел вполоборота, опустил на стол кулак, расправил плечи.

– Если мы шумим, извините, – пробормотала Полина. – Мы не хотели.

– Не хотели, – передразнил ее мужик. – Выжрут чего покрепче и насрать на всех! Ля-ля-ля, ля-ля-ля.

– Мужик, – позвал Игорь. – Хочешь что-то сказать, говори нормально. Все люди адекватные, никто...

– Это вы-то адекватные? – фыркнул мужик, перебивая. – Знаю я вас, адекватных! Нажрут, а потом на этом же столе...

– Мужик, – перебил его Игорь и поднялся с лавки, посмотрел сверху вниз. – Пока не договорился, иди-ка домой.

– Это ты мне угрожаешь, что ли? – вскипел мужик.

Он затоптался перед Игорем на одном месте – точно притаптывал землю. Игорь молчал, смотрел сверху вниз, расправив плечи, и отмечал краешком мысли, что сейчас, наверное, выглядит он как круто – и селедка, как пить дать, посмотрится на него да и втрескается по уши.

– Еще один звук, – пригрозил мужик, перестав топтаться, – и я... я... – он облизал губы, посмотрел на Игоря без прежнего задора, – узнаете тогда...

Он развернулся и вразвалку заковылял к дому. Игорь медленно сел, посмотрел в восхищенные глаза Полины, долил по стаканам вина.

Посидели еще немного, поговорили – Полина почти шептала, Игорь время от времени нарочно откашливался погромче, повышал тон. Допили вино, снялись с места и двинулись к перекрестку – вышли на кажущуюся шумной и светлой улицу, заспешили вниз, а внизу, на набережной только что не оглохли от шума и гвалта – двинулись вдоль парапета, поглядывая на прибор.

– Настоящее приключение! – восклицала нетрезво Полина. – Я думала, он... он... – и она принималась размахивать руками. – Он такой кинется на тебя, но ты, конечно, так вот ловко его подхватишь и вот так вот, как в фильмах показывают, так вот его, так...

Она раскраснелась, смеясь, волосы то и дело закрывали лицо.

– Боже, какая я пьяная... – наконец призналась она. – Сидела – вроде ничего, а как вот...

– Так всегда с вином, – объяснил важно Игорь. – Если пил стоя и сел – уснешь. Если пил сидя и встал – накроет...

– О-о-о, да у нас тут мсье лектор... – рассмеялась Полина. – А ты вот совсем не пьяный? Ни чуточки?

Она свела вместе указательный и большой палец, оставляя между ними место для, разве что, бусины.

– Ну вот на сто-олько, – передразнил ее Игорь и тоже сжал невидимую бусину, – насто-о-олько, может быть.

Полина засмеялась, толкнула его кулачком в плечо. А потом вскинула голову удивленно и остановилась, прислушалась.

– Моя любимая песня...

И она вдруг стала подпевать играющей от какого-то шатра музыке – сперва тихо, потом все громче.

«Началось», – сконфузился Игорь и чуть придержал ее за локоть.

– Что ты? – удивленно посмотрела на него мутным взглядом Полина. – Это же песня, ее поют...

Она вывернула локоть из его пальцев и зашагала вперед, подпевая в голос. Игорь догнал, пошел рядом и увидел, что она шагает, прикрыв глаза, почти вслепую, делая страдальческое лицо.

«Е-мое... – кашлянул Игорь. – Вот смех-то».

Он украдкой смотрел по сторонам и видел, как на Полину косятся с улыбками.

«А что я могу поделать? – взглядом извинялся Игорь перед каждым улыбающимся. – Не могу же я ей рот ладонью зажать, мы не настолько знакомы...»

Наконец песня осталась позади, ее заглушили новые, раздающиеся со всех сторон, даже от пляжа. Полина открыла глаза и, счастливая, посмотрела на Игоря.

– Не смогла удержаться... – она пожала плечами и расплылась в блаженной улыбке. – Прости, пожалуйста, как услышу эту песню, так сразу...

Она икнула, прижала кончики пальцев к губам, посмотрела извиняющимся взглядом. Затем покачнулась.

– Ого! – и ухватила рукой за парашют. – Вот это я... налимонилась...

И она вдруг прыснула – и залилась звонким смехом, закрыла лицо ладонью, зажмурилась.

– Налимонилась... – повторяла она. – Именно вот налимонилась, по-другому не сказать... Что за слово такое...

Игорю тоже стало смешно, он поддержал Полину под руку, случайно коснулся затянутой в платице талии.

– Ладно, – не заметила Полина, – в случае чего... Если я вдруг того, – она склонила голову набок, закрыла глаза и приоткрыла рот, показав кончик языка, – если погасну, ты же меня отнесешь?.. К подруге... Ты вон какой сильный! Физвос!

И она потрясла руками победно:

– Физвос!

Кто-то обернулся, воскликнул вполголоса:

– Юрфак!

– Ты тогда Расскажи, где вы живете, – качнул головой Игорь. – Чтоб знать, куда нести.

– Да я же шучу! – Полина встряхнула головой, волосы заметались. – Не буду я... гаснуть, что ты! – Она посмотрела на Игоря с теплом. – Ну и простофиля же ты, Игорь... Все за чистую монету...

Она тут же зажмурилась.

– Прости, пожалуйста! Опять я сама не знаю, что несу! Никакой ты не простофиля, конечно, с чего тебе быть простофилей!

Игорь надул губы, выпустил с шумом воздух.

– Не стыдно быть простофилей, – сказал он. – Стыдно быть...

И выругался матом. Полина нахмурилась нетрезво, покачала пальцем из стороны в сторону.

– Наше... условие – долой сквернословие.

– Молодые люди! – окликнули их. – Не желаете портретик-с?

Игорь повернулся и увидел, что им машет, сидя на табуреточке, уличный художник – один из сотни обитающих на набережной. Рядом с художником шевелили уголками на ветру его работы – прищипленные кнопками к деревянному стенду – кое-где кнопки отсутствовали, и работы, когда ветер дул посильнее, рвались со стенда, точно хотели отправиться в свободный полет.

– Желаем! – воскликнула Полина и захлопала в ладоши. – Желаем-желаем!

И, не дождавшись ответа Игоря, побежала к художнику.

5

Вокзал производил обычное для такого времени сонное впечатление. Поблескивал тусклый витраж, за ним билась и извивалась беззвучно разноцветная метель. Беззвучно же ползла по огромным часам секундная стрелка, указывала то на табло с расписанием, то на турникеты, то на угловатый барельеф, вырастающий из-за колонны и вытягивающийся по стене до самого потолка.

Игорь, отряхиваясь от снега, прошагал в зал ожидания – всего несколько человек, каждый сам по себе, причем двое спят, уронив головы на грудь, – и уселся в самом конце, в углу, лицом в стену.

Уселся, сверил время, оглянулся на вокзальные часы и закинул ногу за ногу, приготовился ждать.

«Город-сказка, – пробормотал он, – город-мечта... Занесло же их в такую даль».

Он подумал, что Павлик, вероятно, уже спит – или готовится ко сну. Чистит зубы в просторной ванной, плещет в лицо водой. Ляжет, и жена – бывшая – почитает ему что-нибудь, сама зевая. А Олег ходит, наверное, по квартире, или сидит и смотрит в наушниках сериал, или курит на балконе, и снег ему в лицо так и хлещет, так и хлещет.

Он вспомнил, как жена – бывшая – читала Павлику и засыпала в кресле, и он, Игорь, будил ее или, наоборот, не будил и выключал свет – оставлял их сопеть, а сам шел в кухню и пил подолгу чай.

«Чайку бы сейчас, – подумал он и обернулся на павильончик в противоположном углу, темный и безмолвный, закрытый до утра. – Да не судьба».

И он опять против воли вспоминал вечера до развода – тихие, не те, в которые ругались, – вспоминал заварочный чайник с китайскими узорами, тихую и теплую кухню, ощущение того, что твои жена и сын спят, а ты – нет.

«А чайку было бы неплохо, – снова подумал Игорь. – Зачем я вообще сразу сюда пошел? Посидел бы в кафе, поболтал бы, наверное, с той, за стойкой».

Он вспомнил девушку-бариста и то, как она ему улыбалась.

«В Москве так не улыбаются», – подумалось ему, и он только что не рассмеялся своим мыслям – что он, в самом деле? Метель так действует? Скосил глаза на высокое окно – метет, в снегу угадываются спящие на путях коробки товарных вагонов, в небе то показывается, то прячется огрызок луны.

Слева от окна, прямо напротив Игоря красовалась на стене картина – фотография, фотокартина – заключенная в тонкую раму и спрятанная под стекло. Под стеклом вытягивалась, выцветая, уходила вдаль широкая и рыхлая – без асфальта – улица. С двух сторон топились вдоль дороги невысокие – один, два этажа – домики, рядом с ними угадывались фигуры людей, лошади, запряженные в телеги. За оградями щетинились голыми кронами деревца – фотографировали, наверное, ранней весной. Вдалеке, там, куда уходила улица, вставал полупрозрачный, призрачный будто бы собор – подпирал куполом облака. Игорь прищурился и прочел: «Московская улица, начало XX века». Прочел, взгляделся и присвистнул – он шел по этой улице пятнадцать минут назад, спустившись от театра, вот и дома знакомые на переднем плане. Но никаким собором улица не оканчивалась – и Московской не называлась. Игорь повертел головой и увидел, что такие же фотографии – фотокартины – развешаны по всему периметру зала. Встал, зашагал от одной к другой, заведя руки за спину, точно оказался на выставке в музее.

И со всех фотографий на него смотрел – сквозь стекло и сто с лишним лет – город. Гнулись и вытягивались улицы, по ним катились телеги, у обочин жались люди. Кто-то попадал в кадр совсем близко, и можно было различить лица – взрослые, дети, и все пристально смотрят в объектив, а кажется, что – на Игоря. Платки, бороды, юбки, касающиеся земли, какие-то кульки и свертки, одежды точно из-за театральных кулис. Городовой в дореволюционной форме – точно игрушечный солдатик, стоит навтыжку у дорожного столба, отдает кому-то – не Игорю ли? – честь.

Затем фотографии наскучили – Игорь вернулся на свое место и сидел, руки в карманы, чувствуя, как наваливается, сопротивляясь выпитому кофе, сонливость, как мысли замедляются и наступают друг другу на пятки. Он то думал про Павлика, то вспоминал, что завтра в конце дня нужно сдать отчет, то поднимал глаза на фотографию, то как будто проваливался в дрему и начинал слышать голоса, боксировать с кем-то, требовать от тренера, чтобы дети даже спарринговали в шлемах.

Когда объявили, что поезд прибывает, Игорь – вместе с еще парой-тройкой обитателей зала – вышел на перрон, в метель и темень, поднял воротник повыше, натянул шапку на глаза и стал ждать. В рябой снежной дали показался огонек, стал расти, загремели колеса, и поезд, свистя и шикая, подполз к вокзалу, остановился, качнувшись, продемонстрировал по очереди окна всех вагонов – от сидячих через ресторан и бизнес-класс к плацкарту и купе. Игорь сверил билет и пошел вдоль вагонов – и добрался до своего в тот самый момент, как на перрон шагнула с выехавшей лесенки проводница, зевнула, выгнув ярко-крашенные губы кружком.

– Здравствуйте.

Она взяла паспорт Игоря, долго смотрела в него, точно не могла вчитаться, прятала рукавом от снега.

– Пятое купе, семнадцатое место. Нижняя.

Издали долетел звук свистка, утонул в метели.

Игорь влез в вагон, прошел вдоль дверей купе, нашел нужное, потянул в сторону. И увидел, что на нижней полке – напротив той, что полагается ему – спит, закутавшись в простынку и прижимая к себе ребенка, совсем грудничка, женщина. Над ними, на верхней, кто-то негромко похрапывал.

Полоса света упала на лицо женщины, та нахмурилась сквозь сон, потянула одеяло к подбородку. Грудничок заворочался, всхлипнул, женщина – так же, сквозь сон – зашептала ему что-то.

Игорь как мог тихо, чувствуя себя едва ли не вором, шагнул в купе, прикрыл за собой дверь. Шторка закрывала окно не целиком, видно было, как по перрону кувырывается метель – по купе разливался от окна сине-серебряный свет, мялся на простынях, проваливался в зеркало на двери, поблескивал на выложенных на столик игрушках и мобильных. Игорь вылез из куртки, повесил ее на крючок. Подумал, стоит ли расстилаться – шуршать пакетом, возиться и скрипеть – и решил обойтись. Сел, разулся, пристроил подушку у окна и улегся, сунув под голову руку.

Улегся лицом к стене, поджал колени так, что они стукнули негромко в соседнее купе. Из соседнего купе как будто стукнули негромко в ответ – тоже коленями. Спустя какое-то время поезд качнулся, лязгнул и тронулся. Грудничок закричал, захныкал, женщина зашептала ему что-то ласково. Затем позвала шепотом того, кто, по-видимому, спал над ней:

– Саш. Саш, ты спишь?

Храп прекратился, верхняя полка – по диагонали от Игоря – заскрипела.

– Сплю.

– Саш, не храпи.

– Извини.

Полка снова заскрипела – видимо, храпевший переворачивался на другой бок. Краем глаза Игорь заметил, что потолок купе озарился тусклым светом, тут же погас: видимо, кто-то из двоих зажег телефон.

«Влез к людям в купе, – подумал Игорь. – Нарушил идиллию. Ехали, ехали семьей – а тут я».

И ему стало неловко.

Он закрыл глаза и постарался уснуть как можно скорее. Затем вытянул из кармана джинсов мобильник, поставил на ощупь на беззвучный.

Сон не шел. Купе покачивалось, под самой подушкой стучали колеса, обитатель верхней полки снова храпел – тише, чем прежде. Игорь мысленно вернулся в театр, еще раз посмотрел с Павликом театр. Воспроизвел в памяти беседу за мороженым – о чем говорили, что запомнилось, над чем подумать? Еще раз удивился тому, как быстро Павлик взрослеет – того и гляди будет сам к папке в Москву кататься. Вспомнил, как Павлик отравился – и как жена – бывшая – с Олегом примчались. Подумал о том, что было бы, не отравись Павлик – сходили бы куда запланировали, посидели бы в настоящем театре на настоящем спектакле, тогда шел «Буратино», билеты пришлось вернуть, объелись бы мороженым, обговорились бы, обсудили все на свете. Игорь сводил бы Павлика в свой офис, показал рабочее место. Погуляли по Красной площади, покатались на колесе обозрения...

Игорь не заметил, как уснул. Снилось ему какая-то ерунда: в офис пришли с проверкой и переворачивают шкафы, ящики, вытряхивают зачем-то кофе и чай из банок, колотят щипцами кубики рафинада. А Игорь сидит посреди разрухи под дулом пистолета и кипит от злости, требует все вернуть на место – и даже расколотый рафинад ссыпать обратно в коробку – но требует шепотом, потому что ребенок и без того плачет, зачем пугать его криками... Игорь проснулся и понял, что ребенок – грудничок – и вправду плачет, а мать качает его и напевает негромко колыбельную.

Стучат колеса, колыхается – точно на нитках подвешенное – купе. Через несколько стенок, в начале вагона, кто-то храпит так яростно и громко, что Сашин храп по сравнению с ним похож на ту же едва различимую колыбельную.

– Давай я покачаю, – услышал Игорь Сашин шепот.

Женщина не ответила, продолжила напевать – и скоро плач стих, сменился редким всхлипыванием. Заскрипела полка – женщина укладывалась с ребенком, устраивалась поудобнее – затем в купе воцарилась тишина. Игорь снова почувствовал себя неловко, лишним, и мысленно извинился перед попутчиками. А затем вспомнил, как когда-то качал Павлика – рисуя локтями восьмерки, напевая что-то веселое, раздражая тем самым жену – и уснул.

Он просыпался еще несколько раз – то вновь плакал грудничок, то слезал сверху и уходил в туалет, возвращался на цыпочках, лез на свою полку Саша, то они шептались негромко, обсуждая что-то. Под утро Игорь проснулся и обнаружил, что лежит спиной к стенке – видимо, перевернулся во сне. Открыл глаза и увидел, что женщина сидит на своей полке, держа малыша на руках, и кормит его. Игорь увидел крупную белую грудь, и его окатило жаром – точно под горячий душ влез. Он тут же закрыл глаза и затих, постарался не шевелиться, ничем не выдать себя, притворился спящим – хотя лежать было неудобно, и все тело ныло. Теперь он чувствовал себя не просто лишним, а страшно лишним, преступно лишним – и щеки у него горели как обожженные.

«Выкупали бы все купе, – мысленно укорил он Сашу. – И ехали бы спокойно».

Кое-как ему удалось уснуть, а когда он проснулся в следующий раз, то в купе было уже светлее – от окна лился по-прежнему прозрачный и бледный, но уже предутренний свет. Все попутчики, включая грудничка, спали, Саша даже не храпел – с полки свешивалась его рука с обручальным кольцом на пальце. Игорь полежал с открытыми глазами, полежал с закрытыми и понял, что уже не уснет. От окна ощутимо тянуло холодом, подушка же, наоборот, была мокрой от пота. Когда поезд замер, от тормозив пару километров, на очередной станции, Игорь осторожно сел, обулся и стянул с вешалки куртку. Встал, приоткрыл дверь и выскользнул за нее, тихонько, до щелчка прикрыл за спиной. Оценил время, прошел, растирая лицо ладонью, хрустя шеей, до проводницы и спросил, какой номер у вагона-ресторана.

6

Полина вышла из подъезда и глубоко втянула ноздрями морозный сладкий воздух.

«Какая ночь», – подумалось ей как-то само собой.

Ночь стояла неподвижная и лунная – безмолвный, ни одного звука, двор выгибался подковой, нависал над Полиной. Кое-какие окна горели, где-то светились волшебным малиновым, по двору тут и там моргали звездочками огоньки сигнализации, сам снег – на капотах, на козырьках подъездов, сугробами по краям тротуара – снег мерцал и весело серебрился в свете фонарей.

«Какая ночь».

Полина точно пьяная зашагала к выходу из двора – хорошо жить в крайнем доме, не нужно выбирать направление пути, не в поле же спускаться с холма. Она шагала и слышала, как поскрипывает под подошвами, а больше не слышала ничего и от этого чувствовала себя хорошо – мороз гладил ей щеки, шею, точно массирует, и она отмечала, что хорошо бы просто выходить так время от времени, без повода, гулять в тишине и дышать – подрастет малышка, можно будет ходить и с ней – и смотреть по сторонам, а потом возвращаться и засыпать крепко-крепко.

Двор закончился, Полину встретил объятиями следующий – такой же – потом еще один, и везде было тихо и неподвижно, и над каждым двором лежало черное, обсыпанное звездами небо, а в небе плескалась купальщицей луна.

«Жила-была луна... – подумала Полина. – Жила-была луна».

И улыбнулась своим мыслям. Идти бы так и идти – и чтобы дворы не кончались, и ночь не кончалась, и все спали, и ни звука, ни колебания, и обойти так всю Землю, вернуться во вчерашний день, или прошлый месяц, или позапрошлый год.

Она иглой скользила через один двор за другим – точно нанизывала их на цепочку из следов – и смотрела по сторонам, видела уснувшие вывески и витрины, коробки гаражей и котельные, накрытые шапками пара, и окна, окна, окна, пожарные лестницы, эркеры и французские балконы, растяжки с номерами, узкие обледеневшие кроны, горки и беседки, баскетбольные кольца над сахарными как будто площадками.

«Хорошо, что не идет снег, – подумала она. – Пойди снег, я бы, наверное, разревелась. Бежала бы, наверное, и редела».

И ей казалось, что и внутри нее все так же сковано морозом: застыли мысли, застыли чувства, застыли и серебрятся в инее воспоминания – сахарные, как площадки под кольцами. Застыло сердце, застыли легкие, да и нет никаких легких и никакого сердца, а внутри у нее – просветите рентгеном – такая же вот ночь, и луна, и дворы с лестницами, и снег, много-много снега.

За очередной аркой тишина нарушалась голосами и музыкой – вокруг припаркованного автомобиля топтались с гоготом подростки, звенели бутылками, курили. Сам автомобиль мелко вибрировал от играющей в нем музыки, фары его горели, и на них светились ледяные корки.

– Аккумулятор сядет! – кричал кто-то из подростков весело.

– А и хер с ним! – отвечали ему так же весело.

Девочки в цветастых куртках кашляли от дыма и светили в лица друг другу фонариками, пискляво пели.

Полина отметила, что прежде свернула бы, обошла компанию по широкой дуге – но теперь наоборот двинулась напрямик, вскинув подбородок и глядя перед собой.

«Еще и сигарету попрошу, – подумала она. – Подумаешь, бросила».

Но не попросила – прошла совсем рядом с машиной, с компанией, услышала, что за тонированными стеклами не то смеются, не то ругаются – как они там сидят в таком шуме? – ощутила совсем близко табачный дым, сигаретный и не-сигаретный, персиковый какой-то, выпаренный, густыми клубами переползающий через тротуар.

На нее даже не посмотрели – точно она была невидимой. Как перекикивались, так и перекрикивались, как смеялись, так и смеялись, какая-то из девочек повалилась в снег, с визгом потянула за собой стоящих рядом, пытаясь удержаться. Полина шагала и ждала, что ей бросят что-нибудь вслед – не бросили. Шумный двор остался позади, объятия раскрыл тихий. Но тихим он был недолго, потому что из кармана Полининой куртки запиликал скрипкой телефон.

– Полина, – встревоженно говорил муж. – Ты куда делась?

– Никуда, – отвечала Полина безмятежно. – Гуляю.

– Полина... Ты это прекращай, а. Где ты гуляешь?

Полина пожала плечами – точно муж видел ее.

– Да тут, неподалеку... Что такое?

– Что такое? Ночь, мороз, а она – гуляет! Мне потом тебя из сугроба выкапывать?

– Можешь не выкапывать.

– Полина... Я...

– Все в порядке, правда. Я сейчас вернусь.

– Правда?

– Правда.

Разговаривая, она дошла до края микрорайона – и оказалась у моста. За мостом скрипел кронами черный, похожий на лес, парк, за ним светился центр города. Полина развернулась и зашагала обратно – той же дорогой – но теперь и в том дворе, в котором шумели прежде подростки, было тихо. Машина – безмолвная, ни вибрации, ни света фар – поблескивала тонированными стеклами, вокруг нее – никого. Если бы не многочисленные окурки и не примятый сугроб там,

куда упала девочка, Полина бы решила, что подростки ей пригрезились – упали в морозную ночь из ее воображения, поколыхались миражом и растаяли.

Вернулась она страшно замерзшая – но как будто этому даже довольная. Разулась, повесила аккуратно на крючок пуховик, прошла мимо мужа – брови сведены, смотрит, не понимая, исподлобья – в ванную, разделась и влезла под душ, выкрутила воду чуть ли не до кипятка. И долго стояла, отогреваясь, чувствуя, как из тела уходит мороз и ночь, а сердце, легкие и все остальное возвращается, оживает, обретает вес.

– Поля, – позвал муж сквозь дверь, постучавшись. – Все хорошо?

– Да.

– К тебе можно?

– Нет.

Наконец она вышла закутанная в полотенце и содрогнулась от холода – по сравнению с заткнутой паром ванной квартира казалась ледяной. Муж сидел в кухне, закинув ногу за ногу, задумчиво смотрел в телефон. Полина прошла в спальню и прикрыла за собой, оделась в домашнее, погасила свет и влезла под одеяло.

«Жила-была луна, – подумала она. – Каждую ночь луна выходила на небо и...»

Но что делала луна кроме того, что жила-была и каждую ночь выходила на небо, у Полины придумать не получалось.

Спустя какое-то время приоткрылась дверь и в спальню вошел муж. Скинул футболку и влез под одеяло, обнял Полину, принялся целовать в шею, шептать что-то.

«Коньяк пил», – отметила Полина и отвернулась.

– Поля, – шептал муж. – Мне кроме тебя никто не нужен, Поля. У нас семья, Поля, ты же понимаешь. Ты умная, ты все понимаешь, ну что ты... Не принимай это всерьез... Кто не ошибается? Она с тобой и близко рядом не стоит, ты же все это знаешь. Ну зачем мне она, мне же ты нужна...

Он потянул вверх ее сорочку, полез с поцелуями к лопаткам. Полина дернулась, отодвинулась ближе к стене. Муж снова зашептал, придвинулся, Полина снова дернулась, прижалась к стене.

– Да что ты устраиваешь... – прошепел муж. – Я тут перед тобой вон чего, а ты...

Он отвернулся, лег на своей половине, потом вскочил и зашагал по комнате, принялся что-то бормотать нетрезво, временами останавливаясь и обращаясь к Полине, но она слышала его так, словно слышала не его, а пересказ его слов от кого-то другого – или даже не слышала пересказ, а читала с бумаги.

«Жила-была луна, – крутилось в ее мыслях. – Луна жила-была».

Затем муж ушел в кухню, и она слышала, как он булькает коньяком в рюмку, как хрипит, выпивая. Потом она точно уснула – но неглубоко, одними глазами, – а слышать и осязать все продолжала, и сквозь такой сон различала, как в кухне щелкает экранная клавиатура, а значит, муж что-то кому-то пишет. Потом она снова как будто уснула, потом проснулась и стала думать о том, как же они теперь будут жить? Как она будет с ним спать и есть за одним столом? Как будет при нем переодеваться? «Надо, наверное, ширму купить... – думала она сквозь оцепенение и усталость. – Или что-то вроде». И ей представлялись китайские ширмы, раздвижные, с журавлями, танцующими на фоне гор. А затем журавли и впрямь начинали танцевать, разводили в сторону крылья, щелкали длинными клювами, и Полина понимала, что спит – и с интересом наблюдала за танцем, ждала, что на небо вот-вот выйдет луна, и тогда...

Муж вошел в спальню и зажег свет – журавли растаяли, точно их и не было. Муж молча шагнул по спальне, шурша одеждой, открывая и закрывая ящики.

– Я ухожу, – услышала Полина его голос. – Извини, что так получилось.

Полина молчала, муж продолжил собираться. Скрипнул, открываясь, шкаф, захрустела спортивная сумка, муж сходил на кухню и вернулся, стал шуршать пакетами.

– Извини, – говорил он иногда. – Но я так не могу.

И восклицал негромко:

– Да, не могу! Я честный человек!

Полина не отвечала. Лежала, не шевелясь.

Муж собирался страшно долго – точно хотел уложить в сумку весь свой гардероб.

«Ждет, что я его остановлю?» – подумала Полина. И она вдруг представила – не оборачиваясь, не открывая даже глаз, – как он мечется по комнате, волосы растрепаны, глаза горят, мечется точно загнанный в угол зверь, яростный и беспомощный. Представила и подумала, что он сейчас, наверное, красив какой-то своей особенной, свирепой красотой – и ей захотелось остановить его, сказать, что все наладится, что ничего страшного не произошло, что ему только нужно пообещать что-то, и все вернется на круги своя, что семья, конечно же, и да, кто не ошибается... Но захотелось всего на миг – и Полина этому порадовалась.

Наконец муж закончил свои сборы, остановился – в спальне воцарилась тишина, – навис над кроватью, чтобы сказать что-то, произнести, быть может, пламенную речь, сказать, что никто не виноват или вообще виновата Полина, или климат, или последний этаж... Но нет, ничего не сказал – помолчал, погасил свет и вышел в коридор, вытащил за собой сумку. Заглянул к дочери, прошел, кажется, в ее комнату – может, пошептал что-то в пушистый висок, поправил одеяльце. Когда Полина услышала, как взвизгнула молния пуховика, ей захотелось выскочить из спальни и уцепиться за рукав, потянуть назад, зашептать ласково – но и этот порыв длился всего лишь миг, и растаял еще до того, как щелкнула, закрываясь, входная дверь, как зазвенели по ту сторону замка, уже в подъезде, ключи.

Когда стало совсем тихо, Полина перевернулась на спину и открыла глаза. От неплотно завешанных штор тянулась, расширяясь, через потолок бледная полоса – понемногу начинало светать. Полина дотянулась до телефона, посчитала, сколько времени остается до подъема дочери, до того, чтобы собирать ее и вести в сад, и чуть сдвинула будильник, завернулась в одеяло плотнее.

Но уснуть, конечно, не смогла.

7

– Вас как? – художник обвел Полину и Игоря карандашом. – Вместе? Порознь?

– Вместе! – воскликнула Полина и зажмурилась, посмотрела виновато на Игоря.

– Нет-нет-нет, – запротестовал Игорь. – Я пас.

Полина надула губы.

– Точно пас, – качнул головой Игорь и понизил голос, процедил ей на ухо. – Не люблю я это все.

«А чего я, кстати, отказываюсь?» – спросил он сам себя и не смог ответить.

– Я лучше за вином еще схожу, – нашелся он. – А ты рисуйся пока.

– Мне не надо, – Полина уже села на складной стульчик у самого бордюра, выпрямила спину, сдвинулась в сторону, как попросил художник. – Мне... ой... хватит.

Она засмеялась в ладонь, а затем сделала серьезное лицо, нахмурилась даже:

– Все, извините, сию, сию.

– Я быстро, – пообещал Игорь.

Он посмотрел, как художник изучает Полину, закрыв один глаз, мимо карандаша в вытянутой руке, как бросает первые – прозрачные – линии на бумагу. Развернулся и быстрым шагом двинулся в сторону магазина.

Когда он вернулся – потягивая вино из уголка картонной коробки – портрет был почти закончен, но лучше бы его и не начинали. С портрета на Игоря смотрела какая-то селедка с длинным носом и тонкими губами, в облаке дурацких кудряшек, с прищуренными подслеповато глазами.

Игорь даже поперхнулся. Полина посмотрела на него весело и вопросительно, он замялся, склонил неопределенно голову, пожал плечами. Художник царапал карандашом бумагу самозабвенно, закусив губу.

«Ка-а-ак дал бы тебе», – подумал Игорь.

И ему и вправду захотелось отвесить художнику пендаля – чтобы тот повалил мольберт, закрыл собой селедку на нем.

«Похожа-то похожа... – подумал Игорь. – Но как-то не она совсем».

Игорь даже прикинул, не выхватить ли портрет, не свистнуть его с мольберта, не разорвать, пока Полина не увидела – но не свистнул и не разорвал, а стоял как вкопанный и даже вино не пил.

– Готово! – воскликнул художник и накарябал в углу листа свои инициалы.

Полина вскочила, сияя, шагнула навстречу, протянула руку.

Игорь удержался, чтобы не зажмуриться.

– Ой, – только и сказала Полина.

Она кашлянула неловко, всмотрелась в портрет с вытянутой руки. Подняла глаза на Игоря – не то в поиске поддержки, не то оправдываясь за что-то. Через силу растянула губы в улыбке.

– Спасибо большое.

Художник только что над землей не парил – довольный собой.

– С вас, милая барышня... – и он назвал цену.

Игорь напряг ногу – для пендаля.

– Да, да, конечно... – Полина свободной рукой полезла в сумочку, отсчитала из кошелька деньги, вручила художнику. Потом стала рыться в сумочке, потом посмотрела на Игоря в недоумении. – Телефон пропал.

Игорь нахмурился, повернулся к художнику. Художник испуганно вскинул брови.

– Может, на дне? – спросил Игорь, имея в виду дно сумочки.

– Да какое тут дно, – невесело улынулась Полина. – Тут кроме дна ничего и нет.

– Пока... рисовалась, – предположил Игорь, – никто не подходил?

– Молодой человек, – запищал художник. – Вы же не думаете...

Игорь его проигнорировал.

– Нет, не подходил, – ответила Полина.

Игорь развел руками.

– Тогда давай искать.

Полина поблагодарила художника, извинилась перед ним за чем-то, Игорь зыркнул свирепо – и они двинулись по набережной, восстанавливая свой маршрут. Полина шла с портретом в руке, но ей было не до него – рассматривала, вытягивая шею, тротуар, сталкивалась с идущими навстречу, извинялась.

Игорю ее было жалко – телефон, конечно, украли, вытянули из сумочки, и пройти по своим следам, конечно, надо, но смысла в этом нет.

Вскоре оказались у шатра, из которого снова играла та самая песня, Игорь предложил этот пятак изучить особенно тщательно: шла с закрытыми глазами, размахивала сумочкой, самые подходящие условия. Полина согласилась, но и – Игорь был поражен – пока обшаривали взглядами асфальт под чужими ногами, Полина не смогла сдержаться и снова подпевала, тихонько, себе под нос.

Игорь искал и потягивал вино – без удовольствия, как бы по обязанности. Подошли к газону, Полина встала на бордюр и наклонилась, всмотрелась в траву. Из-за воротника выпал, закачался на тоненькой цепочке, поблескивая, золотой крестик.

– Дай номер, – догадался запоздало Игорь. – Я тебе звонить буду, может, услышим.

Полина продиктовала номер, и они двинулись дальше, глядя под ноги, всматриваясь в лица сидящих на парапете – может быть, вор тут же, не успел убежать, как-нибудь выдаст себя? Игорь держал свой телефон у уха.

– Гудки, – сообщил он. – Значит, могли и не украсть.

Полина кивнула – если бы украли, выключили бы.

Свернули на улочку, уходящую вверх, прошли до нужного перекрестка – тут шагали медленнее, по асфальту плавали тени.

И почти от самого перекрестка различили тоненькое – всплывающее из общего шума и тонущее в нем – скрипку, пиликающую у закрытого магазина.

Телефон, вибрируя, ползал по лавке, светил голубым квадратиком экрана – второго, на крышке – и всю наигрывал какую-то мелодию.

«Красивая», – подумал Игорь.

Полина подбежала к лавке, схватила с нее телефон – как не сполз, не разбился об асфальт? – прижала к груди и выдохнула. Затем подняла трубку, отвечая на звонок Игоря, и спросила весело:

– Алло? – и пробормотала: – Я, наверное, из-за дядьки этого так разнервничалась, что про телефон просто забыла.

– Я долго звонил, – недоуменно протянул Игорь и отхлебнул вина, сбросил вызов. – Как такое может быть, чтобы никто из прохожих не забрал?

Полина пожала плечами, потом подняла указательный палец назидательно:

– Надо верить в людей, Игорь!

Игорь заворчал что-то неразборчиво.

– Ой, как я рада! – воскликнула Полина. – Как мало человеку надо!

Она запикала кнопками, всмотрелась в экран. Затем захлопнула раскладушку и спрятала понадежнее в сумку.

– Подруга не писала, не звонила.

Игорь протянул Полине вино, она сперва замешкалась, а потом приняла, отпила – и сморщилась

– Ой, какая гадость!

Игорь развел руками. Он чувствовал, как по телу его разливается вместе с опьянением – не сильным, встряхнешь головой, и растает – нежность. Или это не нежность, а жалость? Чуть не лишилась телефона, горе-художник нарисовал так, что хоть караул кричи. Он взял из руки Полины портрет – помятый в процессе поисков – порвал его, не глядя, на две части, затем сложил и порвал на четыре, затем на восемь. Помахал перед Полиной стопкой неровных прямоугольников, похожих на игральные карты, и шагнул дверям магазина, ссыпал в урну. Полина посмотрела на него сперва испуганно, потом благодарно – и закрыла лицо руками.

– Я ведь не такая, – прогудела она из-за ладоней.

Игорь фыркнул.

– Конечно, не такая. Ты больше внимания на таких вот лохов обращай. Перед ними кого ни посади, все урод получится.

Полина опустила ладони.

– Из тебя не получится.

И зажмурилась.

– Все, пойдем, пойдем отсюда. Сейчас еще опять дядька этот прибежит.

– Как прибежит, так и убежит, – заверил Игорь и отпил вина.

– Все равно пойдем, – попросила Полина. – Только вот куда...

Игорь задумался – снова бродить по набережной не хотелось.

– Давай к морю, – предложил он. – Посидим на берегу, искупаемся, может.

– Нет-нет, я купаться не буду, – сразу отказалась Полина. – Я и днем-то боюсь... а ночью... Да и купальника нет... – она зажмурилась, помолчала. – А посидеть просто можно.

– Значит, просто посидим, – согласился Игорь. – Так-то я последний день, надо и с морем попрощаться.

Полина кивнула – причина показалась ей уважительной.

– Только давай не по набережной, – попросил Игорь. – Срежем, я тут знаю короткий путь.

Он подумал, что она снова испугается, засомневается – как тогда, когда он вел ее на эту вот улицу – но нет, Полина кивнула просто и не задумываясь, с готовностью даже, как будто уже совсем ему доверяла. Они вышли на перекресток, поднялись еще немного вверх, потом свернули и зашагали по широкой ярко освещенной улице – людной, с магазинами и снующими туда-сюда автомобилями. И шагали так долго, разговаривая, попивая вино – Полина пила изредка и по

чуть-чуть, морщилась – смеясь над своими приключениями – и мужик, и телефон, и криворукий художник – вспоминали кореша и подругу, смотрели на дома и балконы, вывески и витрины.

Вскоре улица стала сужаться и темнеть – машин и людей попадалось меньше, витрины не горели оставленные на ночь, а смотрели тускло и безучастно – затем поползла вниз, точно пьяная, запетляла и воткнулась в набережную в самом ее конце. И тут тоже было пустынное, и музыка играла тише, долетая со стороны – и хорошо было слышно бьющееся о берег море.

Игорь перепрыгнул через парапет, помог слезть Полине, разулся, подождал, пока ее босоножки окажутся в руке – и двинулся по прохладной, колючей гальке морю наперерез. Спустились к самой воде, прошагали вдоль нее по щиколотку в пене, и оказались в безлюдной и тихой части пляжа, кое-как усьелись гальку в нескольких метрах от прибоя.

– Море, – сообщил Игорь, втягивая ноздрями сладко-соленый воздух.

– Оно самое, – улыбнулась Полина.

Море накатывалось ласково и отступало, шипело пеной, точно кололось о гальку. Вдалеке вздрагивали едва различимые буйки, еще дальше – сильно дальше – светился посреди черноты, точно в воздухе завис, теплоходик, с берега кажущийся совсем крошечным, игрушечным. Над теплоходиком растягивалось небо в точках звезд, опрокидывалось над пляжем, над набережной, накрывало город.

Ветерок шевелил Полинины волосы, она сидела, обхватив руками колени – прижав к ним край платица.

– Я бы все-таки искупался, – сообщил Игорь и допил одним махом вино. – Ты точно не хочешь?

– Я пас, – рассмеялась Полина, подражая тому, как он отказывался от портрета. – Хватит с меня приключений на сегодня.

Игорь кивнул понимающе, поднялся и стянул футболку, сделал шаг в сторону и сбросил бриджи, оставшись в предусмотрительно надетых плавках. Подмигнул Полине и зашагал к воде – а зайдя по пояс, нырнул, вынырнул и поплыл, слаженно и властно работая одними руками.

Мысли его прояснились, ему стало весело, он взял курс на буйки, подумал, не доплыть ли до теплохода – вот удивятся отдыхающие, – потом обернулся, остался висеть в воде, чувствуя на губах соль, и увидел, что Полина стоит на берегу, и вся ее фигура выражает тревогу.

«Бойтись за меня, селедка», – подумал Игорь, и ему стало приятно. Он повисел еще немного, лениво перебирая ногами в пустоте – точно по лестнице поднимаясь – и поплыл к берегу. А из воды выходил неспешно, раскачивая плечами, зная, что выглядит сейчас ого-го, любая голову потеряет – и смотрел на Полину, которая уже сидела на прежнем месте и прятала под платице колени, эдаким покорителем стихии.

– Как вода?

Игорь постоял немного над Полиной, потом сел.

– Соленая.

Полина показала на шрам на его животе – горизонтальная полоска с мизинец длиной.

– Операция, – тряхнул головой Игорь. – Пустяки.

Полина осторожно коснулась шрама кончиком пальца, тут же убрала руку. Задумалась.

– А у меня вот...

Она позволила платицу соскользнуть до середины бедра, придержала рукой, чтобы не соскользнуло ниже.

Белое бедро обхватывал дугой белый же – поди разгляди – шрам.

– В деревне, – сообщила Полина. – Упала с лестницы, полоснула по ноге скобой.

Игорь взглянул в шрам, затем наклонился и поцеловал его – едва дотронулся губами. Привстал и придержал рукой Полинины волосы – чтобы ветер не бросал на лицо. Приблизился, почувствовал ее дыхание и поцеловал. Полина на поцелуй ответила, подалась вперед. Игорь одной ладонью уперся в гальку, а второй повел по бедру, сжимая платье в гармошку.

– Нет, – испуганно прошептала Полина и отпрянула, поджала колени. – Не надо.

Игорь крикнул с досадой.

– Прости, пожалуйста, Игорь, но не надо.

Он сел рядом пожал плечами.

– Не надо так не надо, я думал, ты сама...

Полина – раскрасневшаяся – села, поправила платице, вытянула ноги, прошуршав пятками по гальке.

– Я сама, конечно, извини... Но давай мы просто так посидим и посмотрим на море, это будет хорошо, ведь правда?

– Да, давай посидим... – Игорь отвернулся, чувствуя себя дураком. – Посмотрим на море...

Он дотянулся до футболки и надел ее – почувствовав, что подмерзает.

– Знаешь, – обратилась к нему Полина, – я иногда... иногда вот так смотрю на что-нибудь далекое – вот как этот теплоходик сейчас...

Она вытянула руку и пальцем указала Игорю на теплоходик – точно думала, что тот его не замечал.

– Видишь, на каком он расстоянии... – продолжила она. – Но на нем же люди, и они, наверное, сейчас на палубе, просто далеко, и мы их не видим.

Игорь угукнул.

– И вот я иногда смотрю на что-нибудь такое... И думаю – а вдруг и там кто-то стоит и смотрит мне навстречу? Ну, или не стоит, а сидит. То есть они же нас тоже не видят – из-за расстояния. Они что видят? Берег, огни какие-нибудь, или темное все, не понять, где вода заканчивается... Куда им нам разглядеть? Но они ведь могут смотреть сейчас на нас так же, как мы смотрим на них – смотреть, не видя – а взгляды наши как будто встречаются где-то над водой, только мы этого не чувствуем.

Игорь всмотрелся в нарядный от огней теплоходик и кивнул.

– Да, – согласился он. – Что-то в этом есть.

Они посидели еще немного, а потом поднялись и зашагали к набережной. Игорь перелез через парапет, помог Полине подняться. Вызвался, как джентльмен, проводить до пансионата – и долго петлял с ней по улицам, блуждал даже, пока не вышел к высокому, застекленные балконы, зданию.

– Созвонимся как-нибудь? Или споемся? – спросила Полина, зная, что нет, не созвонятся и не споеются.

– Созвонимся. Или споемся, – ответил Игорь, зная, что нет, не созвонятся и не споеются. – Запросто.

Они постояли у стеклянных дверей, на которых пестрели объявления об экскурсиях и турах, потом неловко пожали друг другу руки, Полина поблагодарила за вечер и скрылась в холле.

Когда Игорь добрался до своего номера и вошел, прислушиваясь к храпу кореша, за окнами уже светало. Игорь не стал ложиться, а принялся собирать вещи – выпится в автобусе.

8

Вагон-ресторан жил своей, отличной от остального поезда жизнью. Несколько столов уже – еще? – заняты, за одним из них мужики вовсю пьянствуют, звенят бокалами. Яркий свет ламп, негромкая – для настроения – музыка из динамиков.

– Доброе утро, – поздоровался с Игорем сонный официант. – Желаете позавтракать?

– Наверное.

Игорь прошел по вагону, сел за дальний стол, под телевизор. На экране сменяли друг друга живописные пейзажи, между пейзажами вклинивались информационные окна: времени столько-то, следующая остановка тогда-то, температура в вагоне такая-то, туалет свободен.

Температура в вагоне была южная – из решеток под окнами бил горячий воздух, выпивающие мужики сидели красные, точно раки, вытирали лбы рукавами.

– Представляешь, да? – возмущался один, активно жестикулируя. – Дресс-код у них, видите ли! И вон ее из программы! А ничего, что она акционер?

- Да не принимай ты это все так близко к сердцу... – успокаивали его.
- Не могу! Был бы я там!.. Был бы, я... – мужик горячился, сжимал и разжимал кулаки.

За окнами понемногу светлело небо, на его фоне мелькали и путались черные кроны. Снег уносился за плечо по горизонтали – словно падал не сверху вниз, а слева направо.

Игорь долго зевал, изучая меню, затем поднял руку, официант, раскачиваясь в такт движению, подошел к столу.

- Что будете?
- Яичницу с беконом... и кофе.
- Извините, кофе-машина временно неисправна, могу предложить чай.
- Давайте чай.
- Вам черный или зеленый?
- Черный.

Официант ушел, раскачиваясь, ловким движением выдернул из-под локтей мужиков несколько смятых салфеток и пустую тарелку.

Лес закончился, и за окном – за окнами – вытянулось широкое, надутое тут и там холмами, поле. Через него шеренгой уходили к горизонту опоры электропередач, стянутые между собой проводами и оттого напоминающие караван.

– Он ко мне такой подходит, – слышалось от мужиков. – И такой типа... машину убрал, а. А я ему – послушай, братишка, ты тут мне не это... А он...

Одобрительный гул, звон рюмок.

– Сережа! – это они официанту. – Сережа, повтори нам коньячок!

Игорь посмотрел на часы и присвистнул – коньяк в такую рань. Один из мужиков поймал его взгляд и кивнул, точно подтверждал – да, коньяк, да, в такую рань.

В вагон зашла дама в розовом спортивном костюме, с ярко накрашенными губами. Огляделась, села по диагонали от Игоря, попросила у официанта стакан воды с лимоном и овсянку. Официант кивнул, удалился, вернулся с яичницей – для Игоря.

Небо за окнами было уже совсем светлое, в перелесках видно было каждое деревце, каждый поваленный и засыпанный снегом ствол.

Яичница оказалась вполне сносной, чай ничем не удивил – и на том спасибо. Игорь ел и пил, чувствовал, как просыпается понемногу, думал, что надо бы сегодня лечь пораньше – чтобы хорошоенько выспаться – может, даже уехать из офиса за час-два до конца рабочего дня. Смотрел в окно, смотрел на выпивающих мужиков, на даму с овсянкой – ест с таким видом, словно это устрицы или мидии, по чуть-чуть, на краешке ложки, долго несет ко рту, смотрит перед собой с подчеркнутым достоинством – слушал без интереса долетающие до него обрывки разговоров.

– Был я в этом музее, и что? Мужики, меня жена по музеям раз в месяц таскает – как аксессуар! Хохот.

– Хочешь не хочешь, а просвещаешься, так, что ли?

– Приходится, мужики! А то ж поедом заест!

Сочувственная пауза.

– Вот, мужики, только с вами и могу спокойно подеградировать!

Хохот, звон рюмок.

– Сережа! Пачку сока нам! На твой вкус!

На горизонте затеплилась, вытянулась рыжим пятном заря, поплыла за деревьями.

Игорь доел яичницу и потянулся, захрустел суставами. Прихватил левой рукой правое плечо, скрутил корпус и почувствовал, как стягиваются сладко, ноют мышцы. Поменял плечо и руку – и повторил.

Леса закончились, в полях стали попадаться домики, выгнулся хребтиной мост – над узенькой темной речкой. Дома зачастили, сбились в группки, поезд замедлил ход.

– Сережа, сколько стоим?

– Две минуты.

Мужики засуетились, повылезли из-за стола с сигаретными пачками наперевес.

– Сережа, не убирай, мы курить!

Официант кивнул устало из своего угла.

Когда поезд остановился у крошечной станции – вместо вокзала одноэтажный домик с флюгером на крыше, за ним серебрятся инеем панельки – Игорь увидел, как мужики высыпали на перрон, задымили сигаретами, запрыгали на месте, разминаясь. Моргнул – и они уже толпятся у входа в вагон, толкаются и смеются. Моргнул еще раз – поезд набирает ход, мужики пьют коньяк.

«А ведь заразительно пьют, сволочи», – отметил Игорь, и ему тоже захотелось коньяка.

Он расправился с чаем и стал гадать, что делать дальше. Не возвращаться же в купе. Он подумал, что в купе сейчас либо спят по-прежнему – в тишине и тепле – либо просыпаются, завтракают чем-нибудь своим, развлекают грудничка погремушками и мультиками. Обсуждают планы, ходят по очереди чистить зубы и умываться. Зачем им какой-то Игорь? Им и без Игоря хорошо – едут себе и едут, и пусть едут.

Дама в спортивном костюме закончила с овсянкой, рассчиталась и ушла. Официант забрал тарелку, стакан с отпечатком губ, шагнул к Игорю.

– Вам еще что-нибудь предложить?

Игорь замялся, потом махнул рукой.

– А давай грамм сто коньяка.

Официант кивнул и уже собрался уходить, но Игорь его остановил.

– Нет, с коньяком я погорячился. Лучше бокал вина, красного.

«Коньяк перед работой, – подумал он. – Дурак ты, что ли?»

Рыжая заря расплывалась-расплывалась, а затем скрылась под облаками – и пропала. Но светлеть продолжало – и сквозь облака округу заливало бледным, каким-то зеленоватым, мятным, светом.

– Мансарда? – гомонили мужики. – Нахрена тебе мансарда?

– Хочу мансарду и все тут!

Языки у них заплетались.

– Ты послушай знающих людей, ман... мансарда эта тебе нахрен не сдалась!

– А я хочу!

Официант принес вино, Игорь отпил – кислятина, грош цена, зачем вообще брал? что толку от бокала? – и стал думать про Павлика, про то, что тот сейчас уже, наверное, позавтракал и собирается в школу, сидит над какой-нибудь вот такой же овсянкой, сонный и растрепанный, болтает под столом ногами, а жена – бывшая – его торопит, а Олег... чистит зубы или уже на улице, выкапывает машину из сугроба... Павлик выезжает с неохотой из-за стола и сам чистит зубы, приглаживает водой непослушные волосы.

Игорю стало тоскливо – он проскользил взглядом по вагону, по свободным и занятым столам, по окнам, за которыми несется, утекает, бежит за спину мятное утро, бежит и бежит, а он, Игорь, сидит под телевизором и пьет какую-то кислятину перед работой.

Он вспомнил про работу, подумал, что как только окажется в офисе – полтора часа максимум – его закружит вихрем дел, разговоров, обсуждений и проектов – и он моргнуть не успеет, а театр с «Петрушкой» и кафе с мороженым, и вокзал, и рассказы Павлика про школу, и воспоминания, и, уж как есть, сожаления, все это вдруг окажется где-то далеко, вытеснится сперва за пределы бульварного кольца, затем – за пределы Садового, затем – Третьего транспортного, а затем и вовсе за МКАД. Игорь вернется в привычный ритм и забудет вообще обо всем, кроме работы и каких-то огрызков личной жизни – это и личной жизнью-то не назовешь – и даже сознавать этого не будет и как будто превратится в другого человека, точно проснется ото сна или наоборот – уснет. От этих мыслей, от понимания, что мысли эти не врут, что жизнь его точно зажевало, вытянуло по странному, неровному кругу, и в круге этом он точно по рельсам катится, от всего этого ему стало еще тоскливее.

– Была б моя воля, мужики!.. Я бы этот... вагон бы этот выкупил – и с вами бы!.. Да через всю страну!.. Как раньше... богачи гастролировали...

Игорь допил бокал, попросил еще один, отхлебнул, затем повернулся к окну и осушил махом, в два глотка, зажмурился даже, а когда открыл глаза, то увидел, как вдалеке встает из-за холма, проплывает медленно над заснеженным, зеленовато-голубым полем одинокая какая-то высотка, тоже зелено-голубая, на таком расстоянии, из вагона, кажущаяся игрушечной. Игорь всмотрелся в едва различимые крапинки-песчинки окон, уцепился за них – за все разом – и провожал взглядом до тех пор, пока высотка не уплыла назад и не пропала из виду, обернулся даже, почти коснулся лбом стекла.

Мужики затаили песню – сперва негромко, затем все более и более распеваясь, сцепившись, положив руки друг другу на плечи. Посетителей уже было значительно больше, чем прежде, свободных столиков – раз-два и обчелся. Кто-то оглядывался с улыбкой, кто-то качал осуждающе головой. Официант вздохнул и подошел, попросил не шуметь.

– Сережа! – загомонили мужики. – Разве же это... разве это шум? Это же пе-е-есня! Мы кому-то мешаем?

Они завертели головами, стали всматриваться в лица окружающих, встретились глазами с Игорем, Игорь неопределенно покачал головой – мне не мешаете, я вон какой здоровый и крутой, а окружающим – вполне возможно.

– Простите нас, люди! – заголосили мужики. – Песня душу рвет!

Кто-то из них ударил кулаком по столу, рюмки запрыгали, позвякивая.

– Простите, я буду вынужден... транспортную полицию... – забормотал официант.

– Сережа! – с обидой зашикали на него мужики. – Ты же на нас деньги... зарабатываешь!

– Тогда не шумите, пожалуйста.

Мужики пустились в пантомимы – жестами показали, что все, молчат, молчат, ни слова, ни звука.

Официант поблагодарил их и ушел, сел перебирать чеки.

Мужики какое-то время действительно сидели молча – и даже чокались и пили молча. Даже переговаривались знаками. А затем снова запели.

9

В детский сад шли с дочкой теми же самыми дворами – но теперь дворы шумели, были полны жизни и движения. Грелись, пыхтя выхлопом, одни автомобили, ползли сквозь арки другие, со всех сторон по тротуарам шагали люди – к машинам, к остановке, в школу или детский сад. Поднимались с гудением ставни магазинов, у перил курили перед началом рабочего дня продавцы. Отовсюду звучали разговоры, отовсюду в светлеющее небо валил клубами пар.

Полина шла и разговаривала с дочкой. Точнее, дочка разговаривала с ней, а Полина – измученная отсутствием сна, вымотанная и внешне и внутренне – отвечала, старалась говорить как можно ласковее.

– Мама, когда мы поедem на море?

– Не знаю, милая.

– Этим летом поедem?

– Не могу пока сказать.

– А ты бы хотела?

– Да, конечно.

– Ну тогда поехали!

Полина улыбалась. Она смотрела вокруг, и ей казалось, что та прогулка – ночная, под черным небом, до самого моста – приснилась ей. И что вообще все приснилось: сейчас она ответит дочь в сад, вернется, а муж... он обычно уже на работе в это время, но сегодня он почему-то задержится, и когда она вернется, будет сидеть в кухне и пить кофе или шуметь водой в душе.

– Здравствуйте, – поздоровалась с Полиной приветливо пробегающая мимо девушка, соседка снизу.

– Здравствуйте, – ответила Полина машинально.

– Мама, а почему папа так рано уехал?

– У него срочные дела на работе, малыш.

– Какие?

– Я даже не знаю, он не сказал.

– У папы плохая работа, – заявила дочь. – Лучше бы он работал пожарным.

«Пожарным, – подумала Полина и улыбнулась. – Что еще выдумала?»

– Почему именно пожарным?

Дочь – розовощекая, с блестящими глазами – запыхтела паром, как паровозик:

– Пожарные людей спасают, пожарные ничего не боятся, пожарные... пожарные... они по городу едут – и все видят, что это именно пожарные. И каски у них сверкающие, и...

– А где ты столько о пожарных узнала, милая?

– К нам в садик Ванин папа приходил – и все рассказал.

В детском саду время от времени устраивали встречи с кем-нибудь из родителей – приглашенному полагалось рассказать о своей профессии.

– Но это очень опасно, милая, – возразила Полина. – Пожарные постоянно рискуют.

Дочь задумалась.

– Да, но... Ванин папа про это тоже говорил, но...

Какое-то время шагали молча.

– Нет, – пришла к выводу дочь. – Пусть наш папа не рискует. Пусть не будет пожарным.

Полина усмехнулась и согласилась:

– Пусть не будет.

Дочь повеселела, вернулась к разговору о море. Они свернули, впереди показался детский сад – к которому со всех сторон стекались родители с детьми.

– Почему нельзя уехать на море на все лето, мама?

– Это очень дорого.

– А те, кто живет у моря, платят деньги?

– Нет, конечно.

– Хорошо им, – вздохнула дочь.

– Те, кто живет у моря, не ценят его так, как мы.

– Почему?

– Они привыкают к нему и уже не радуются. Для них море – это нечто обычное, как для нас... ну снег, например.

Дочь задумалась.

– Пускай приезжают к нам. А мы поедем к ним.

Полина рассмеялась.

– Пускай.

Они прошли через ворота на территорию сада, обогнули корпус и поднялись на крыльцо.

– Когда пойдете гулять, проследи, чтобы шея не была открыта.

– Хорошо, мама.

В корпусе пахло луком – на каждом подоконнике стояло по блюдечку, а в нем зеленели бледно свеженарезанные кольца.

– Фу, – скривилась дочь.

– Это чтобы вы не болели, – заступилась за лук Полина.

– Мы вечером поедем в магазин?

– Не знаю, дочка, – честно ответила Полина и почувствовала, как в груди оборвалось что-то, точно нить перетерлась и уронила грузик.

– Папа обещал.

– Папа обещал... – повторила Полина.

В раздевалке было людно, дети гомонили, взрослые поторапливали их, пыхтели и обливались потом – в саду с холодами топили еще лучше, чем в домах.

– Уважаемые родители, – позвала всех выглянувшая из группы воспитательница. – Очень вас прошу не давать детям с собой дорогие игрушки! Мы не можем уследить за каждой, а ребенок будет расстраиваться! У нас все есть!

Родители кивали.

– Веди себя хорошо, – попросила Полина.

– Хорошо, мама.

Полина поцеловала дочь в щеку, подставила под звонкий поцелуй свою, дождалась, пока заплетенные за завтраком косички исчезнут за дверью, и расписалась в выложенном на тумбе журнале.

Перед самыми воротами ее догнала одна из мам.

– Простите, простите! Можно с вами поговорить?

– Да, конечно.

Мама улыбнулась растеряннo, развела руками.

– Наши девочки что-то не поделили на прошлой прогулке. Вам дочь ничего не говорила?

– Нет.

Мама задумалась, снова улыбнулась.

– А моя вот как-то близко к сердцу приняла... Вы не могли бы поговорить с дочкой, может, они помирятся? Моя прямо переживает... Ну, дети, сами понимаете...

– Да, конечно, – Полина закивала искренне. – Я поговорю...

– Спасибо вам большое! Простите, если отвлекла!

Мама просеменила мимо Полины через ворота, прыгнула в припаркованный у тротуара внедорожник. Когда Полина проходила мимо, опустила стекло.

– Вас подвезти?

– Нет-нет, спасибо, мне недалеко.

Мама кивнула приветливо, пропустила выезжающую из ворот газель – продуктовую – и покатилась вдоль тротуара.

Полина возвращалась домой и снова удивлялась тому, как все изменилось за каких-нибудь несколько часов. Была ночь, наступило утро, было темно, а теперь светло. Было безлюдно, а теперь... Если свернуть и пройти лишний двор, можно увидеть машину, вокруг которой толпились подростки. Да и сама Полина – как тихо и пусто было в ее груди ночью! А теперь – не из-за оборвавшейся ли нити? – внутри клубится какое-то знакомое прежде чувство, ощущается смутно, просится наружу. Нельзя только всматриваться, прислушаться, даже думать о нем нельзя – иначе чувство клубится плотнее, принимает очертания, давит на ребра изнутри.

«И что дальше?» – думала против воли Полина.

И вспоминала: «Жила-была луна».

Утро казалось светлым, но солнца за домами видно не было – и небо затягивали облака.

«Жила-была луна».

Оказавшись в своем дворе, Полина сперва осмотрела парковочные места – машины мужа нет. Затем зашла в магазинчик, помялась немного и купила сигарет.

– Ничего себе, Поля, – удивилась продавщица.

– Да это не мне, – соврала Полина. – Мужу.

– А он курит, что ли?

– Балуется время от времени.

– Тонкими яблочными?

Полина купила те, что курила когда-то сама. Когда это было? На четвертом, пятом курсе? Бросила перед самой свадьбой – пообещала мужу и бросила, хотя сам он еще год или два после этого продолжал курить.

– Тонкими яблочными, – пожала плечами Полина.

Она поднялась на свой этаж, зашла в квартиру, разулась. Посидела на банкетке, глядя в стену, оставила пуховик на вешалке и прошла в кухню, поставила чайник. Пока закипал, добрела до спальни, распахнула шкаф и удивилась: почти все вещи на месте, что же он столько времени собирал? Вернулась в кухню, послушала, как надывается чайник, залила кипятком две ложки кофе. Вспомнила, что закончился сахар – и нужно было купить его в том же магазинчике. Оставила кофе на столе, а сама вышла в прихожую, вошла в пуховик. Долго искала тапочки, наконец нашла – прошагала через спальню, дернула пластиковую дверь и оказалась на лоджии, толкнула, распахивая настежь, окно.

– Жила-была луна, – сказала Полина вслух.

Она долго возилась с пачкой, потом возвращалась в кухню за спичками и наконец прикурила, выдохнула дым в ледяной воздух.

Перед ней расстиралось зеленовато-голубое заснеженное поле – утекало к горизонту, разрежаемое надвое ниточкой железнодорожных путей. Утекало и вращалось в светлеющие облака.

– Мятное утро, – сказала Полина и улыбнулась, она впервые видела, чтобы поле было таким, чтобы к привычному утреннему свету примешивалась – из-за мороза ли, из-за облаков ли – нежная, полупрозрачная зеленца.

Показался поезд, пополз гусеницей по путям. Полина по старой привычке всмотрелась в него, проводила внимательным взглядом, ни разу даже не моргнула – поезд полз долго, на таком расстоянии казалось, что он и впрямь именно что ползет, движется медленно-медленно. Казалось, что он никогда не исчезнет из виду – еще и остановится вот-вот прямо посреди поля, замрет – но нет, исчез.

Полина выкурила еще одну, чувствуя, как кружится голова, ушла в квартиру – и долго, не снимая пуховика, цедила на кухне невозможно горький, стягивающий изнутри щеки кофе.

«Так а что все-таки дальше?» – спросила она себя отстраненно, как будто спрашивала другого человека.

Она прошла к входной двери и закрыла ее на щеколду – чтобы муж, если вернется, не мог войти просто так, без звонка. Вымыла посуду, покурила еще на балконе – зеленца растаяла, солнце пробилось сквозь облака, и по полю плыли волны света – постояла под душем и легла в кровать, включила телевизор, пусть себе фонит, все равно не уснуть.

Показывали документальный фильм о каком-то музыканте – что это за музыкант, Полина не знала, и музыки его прежде не слышала.